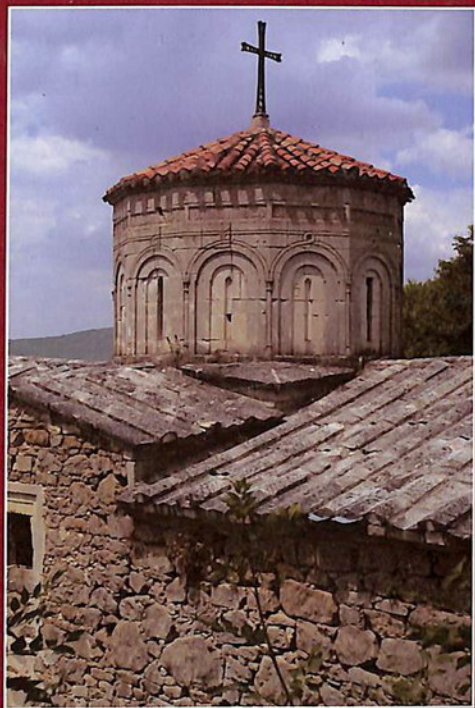

Ф. БАБАЯН
Э. КОРХМАЗЯН

МОНАСТЫРЬ СУРБ ХАЧ
КАК ЦЕНТР АРМЯНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ

ИНСТИТУТ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ ИМ. МЕСРОПА МАШТОЦА

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ФРИНА БАБАЯН
ЭММА КОРХМАЗЯН

МОНАСТЫРЬ СУРБ ХАЧ
КАК ЦЕНТР АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В КРЫМУ

Ինֆորմացիոնային քարտեզ
հայկական քրիստոնեության
համայնության համայնության:

НААПЕТ

ЕРЕВАН
СИМФЕРОПОЛЬ

2008

211
653853

УДК 008 (091) (479.25)
ББК 71 (2Ар)
Б 122

*Печатается по решению ученого совета института древних
рукописей им. Месропа Маштоца Матенадаран*

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
Григор Григорян

Археологический материал 1992-1994 гг. предоставлен
директором Краеведческого музея г. Старый Крым
Б. Полидавкиным и его сотрудниками

Цветные иллюстрации – Аркадий. Байбурдский,
Самвел Аграманян,
Константин Эрлих

Бабаян Ф., Корхмазян Э.
Б 122 Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в
Крыму. Ер.: Наапет, 2008. 152 с.

Книга посвящена выдающемуся памятнику армянской архитектуры в Крыму – монастырю Сурб Хач. Основанный во второй половине XIII в., неоднократно перестраивавшийся и дополнявшийся новыми строениями, он на протяжении многих веков являлся центром армянской культуры Крыма. Земля, на которой стоит монастырь, хранит остатки древней материальной культуры, часть которой выявлена благодаря неоднократно проводившимся здесь археологическим исследованиям. При монастыре действовала высшая духовная школа, в которой преподавали известные ученые – философы, теологи, историки, календароведы, медики и др. Действовал при монастыре и скрипторий, где создавались и переписывались рукописи, часть которых украшена миниатюрами, являющимися прекрасными образцами книжного искусства. Значительная часть их сохранилась до наших дней.

Данная книга является вторым и дополненным изданием труда авторов, посвященного монастырю Сурб Хач.

ББК 71 (2Ар)
ISBN 978-9939-803-19-7

© Бабаян Ф., Корхмазян Э., 2008 г.

Авторы выражают свою глубокую признательность
спонсорам книги

Ашоту Тонояну – депутату Национального Собрания
Республики Армения, основателю-президенту
компании «TONUS CONSTRUCTION»

Арсену Казаряну – президенту союза промышленников и
предпринимателей (работодателей) Армении,
генеральному директору компании «АПABEH,
Международные грузоперевозки»

Гагику Агаджаняну – исполнительному директору компании
«АПABEH, Международные грузоперевозки»

Мы благодарны также

«Республиканскому Комитету Крыма по делам
национальностей и депортированных граждан»,
председателю Армянского Общества Крыма – доктору
философских наук, профессору Олегу Габриеляну

Естественное развитие культуры любого народа, этапы ее взлета и спада — во многом обусловлены исторической и политической ситуацией в стране. В многовековой истории Армении естественный ход развития жизни народа периодически прерывался. Еще в последних веках до н. э., находясь на перекрестке, где сталкивались интересы могущественных стран древности — Рима и Персии, а затем Персии и Византии, Армении приходилось в неравной борьбе отстаивать свою независимость. Несмотря на такое стечение обстоятельств армянский народ никогда не прекращал борьбу за свободу. В ожесточенных схватках с врагами, в отдельные исторические периоды, армянскому народу удавалось восстановить независимость и в такие времена он спешил залечить раны, нанесенные хозяйству и культуре — восстанавливал разрушенные города и села, налаживал экономику страны, реставрировал старые и возводил новые дома и церкви, при которых вновь открывались школы и скриптории, продолжала развиваться духовная культура. Такими периодами возрождения национальной культуры явились восстановление в IX–X вв. армянских царств Багратидов в Ани и Карсе, в X–XI вв. — царства Арцрунидов в Васпуракане, в XII–XIII вв. — возвышение великого княжества Захаридов и, наконец, в XII–XIV вв. — расцвет армянского царства в Киликии.

Однако периоды мирной жизни часто и надолго прерывались нашествиями иноземных захватчиков: в VII в. Армению завоевали арабы, в XI — начались нашествия турок-сельджуков, в XIII в. — татаро-монголов, в XIV–XV вв. в страну вторглись туркменские племена, а XVI–XVII вв. явились временем, когда начались ожесточенные бои между Турцией и Ираном за обладание армянскими землями. В такие периоды, когда рушились города и села, уничтожалось или изгонялось коренное население страны,

многие искали спасения в бегстве за ее пределы. Уходили, в основном, на запад, где была более спокойная обстановка, где можно было избежать насилия и грабежа. В ряде стран восточной Европы — в Западной Украине, Польше, России, Крыму, в балканских странах, в Италии и др., — стали образовываться армянские колонии. Всюду, где обосновывались армяне, они жили сообща, активной созидательной жизнью, включаясь в общественную жизнь тех народов, в среде которых находили себе пристанище.

При изучении истории армянской культуры следует учитывать также тот вклад, который был внесен в нее армянскими переселенцами. Благотворное влияние их деятельности в различных странах отмечали многие исследователи. Интересно замечание украинского ученого И. Крипякевича: «Армянское рассеяние — уникальное явление истории. Мало народов мира проявляло в условиях массового переселения, в целях самосохранения, такое умение проникать в жизнь далеких стран, проводить у них широкую экономическую деятельность и развивать в новых условиях свою оригинальную культуру».¹

Армяне, разбросанные в те времена по разным странам и регионам, принимали активное участие как в общественной жизни своих новых мест проживания, так и в международных торговых взаимоотношениях, используя при этом свои связи с соотечественниками, жившими в этих странах. Они выступали и в качестве дипломатических посредников, и как умелые купцы, и как переводчики.

Определенную долю в торговле тех времен составляли изделия ремесленного производства, в котором армяне также принимали активное участие. Славились в то время изделия армянских ювелиров, кожевников, ковроделов, мастеров прикладного искусства.

Среди поселений, основанных армянскими переселенцами в различных странах, самая крупная по количеству осевшего населения и по длительности своего существования была армянская колония в Крыму.

Крымский полуостров был известен армянам еще в раннем средневековье. Описание Таврики имеется в армянском географическом труде VII в.² Видимо уже в это время отдельные группы армян начали обосновываться в Крыму. Первоначально они появились на юго-западной окраине полуострова, свидетельством чего являются следы армянских надписей в Херсонесе.³ С Крымом связана история византийского патриция, армянина — Вардана Филиппика, который в Херсонесе, в начале VIII в., поднял восстание против Юстиниана II и сумел занять византийский престол императора. Ранние исторические хроники сохранили, в основном, имена выдающихся политических деятелей, представителей высшей знати, тогда как умалчивают об их окружении. Вардана Филиппика поддерживали, несомненно, его соплеменники, которые входили в состав доверенной ему воинской дружины. Известно, что выдающиеся полководцы и общественные деятели из армян, находившиеся на службе в Византийской империи, всегда опирались на войска, состоявшие преимущественно из армян, а также на армянское население областей, входивших в пределы Византийской империи.⁴

Приблизительно с XI—XII вв. армянские поселения появляются и в юго-восточной части Крыма. Однако значительная по количеству населения армянская колония стала формироваться здесь с середины XIII в., что было вызвано нашествиями на Армению татаро-монголов, сопровождавшимися разрушениями и убийствами. Согласно преданию, именно в это время появились в Крыму выходцы из бывшей столицы Анийского царства. Выселенные монголами в Аксарай (на побережье Волги), анийские армяне к началу XIV в. переехали в Крым, пополнив армянские поселения юго-восточной части Крымского полуострова. Позднее, в XVII в., армянский летописец писал: «в то время усилились мы и умножились, и построили села и округа. Князья и знатные люди, начиная от Карасубазара до Сурхата и Феодосии, горы и равнины заполнили церквями и монастырями. И построили мы сто тысяч домов и тысячу церквей, и от страха перед гуннами

возвели крепостные стены в городе Феодосия»⁵. Конечно «сто тысяч домов и тысяча церквей» — это образное преувеличение, однако их было действительно много.

Обосновавшись в Крыму, армяне приняли активное участие в экономической жизни полуострова, в частности его юго-восточной окраины.

Конечно, армяне переселялись в Крым из различных областей завоеванной иноземными захватчиками Армении. Исследования показали, что значительная часть крымских армян переселилась в Крым из Хемшина, Баберда, Карина и других центров северо-западной части Армении.⁶

К началу XIV в., когда начала разрастаться и процветать армянская колония Крыма, полуостров, в частности его юго-восточная часть, представляла собой своеобразный конгломерат различных национальностей, различных культур. Здесь столкнулись интересы первых крупных городов-республик Италии — Венеции и Генуи, которые вели упорную и, зачастую кровопролитную борьбу за обладание выгодными торговыми портами крымского полуострова. В результате этой борьбы, на юго-восточном побережье свое господство утвердили генуэзцы. Здесь издавна жили греки и евреи, с XIII в. появились татары. Наряду с остатками коренного населения, потомков хазар, половцев, гуннов и других народов, обитавших здесь ранее, в Крыму жили также болгары, русские, валахи, грузины, черкесы. Интересно, что в армянских рукописях Крым именовался часто «страной гуннов», а иногда «Хазарией».⁷

На территории Крыма до сих пор сохранились архитектурные памятники, принадлежавшие народам различного вероисповедания. Греческие, армянские и генуэзские церкви, крепости и другие сооружения воздвигались рядом с мечетями, синагогами, кенасами.

Крым издавна привлекал предприимчивое армянское купечество теми выгодами, которые сулила оживленная торговля, получившая здесь в XIII–XV вв. интенсивный характер. Через города и порты

Крыма осуществлялись в то время основные сношения между Западом и Востоком.

В торговле итальянцев на крымском побережье армяне играли немаловажную роль, осуществляя распространение привозимых товаров на север и восток. Сохранились данные генуэзских нотариальных актов, согласно которым выясняется, что армяне принимали активное участие в торговле итальянских купцов Крыма. Среди сохранившихся актов можно упомянуть датированные 1289–1290 гг. документы, один из которых содержит сведения о предоставлении права на фрахтование судов армянским купцам Парозу и Костару для перевозки пшеницы в Трапезунд. Другим подобным документом, составленным Киракосом из Казарата (городок, находившийся рядом с Сурхатом), итальянскому купцу Эбриако предоставлялся кредит, который он мог получить в Сирии или в конторе какого-либо иного центра. Здесь имеем весьма интересную информацию, свидетельствующую о наличии в это время довольно разветвленной сети торговых центров Левантской торговли, в которой непосредственное участие принимали армянские купцы и владельцы торговых контор.⁸

Согласно данным Устава Комитета Хазарии генуэзской республики от 1316 г., генуэзцам запрещалось распоряжаться той землей, на которой издавна расположены церкви греков и армян.⁹

В греческом рукописном Синаксаре, написанном в Судакe, имеются приписки, содержащие некоторые сведения об армянах, живших там в XIII в. Согласно этим припискам узнаем, что в 1292 г. там происходил спор между местными греками и армянами по поводу дня празднования Пасхи (греки отмечали этот день 6-го апреля, а армяне — 16-го). Исследователи заметили, что такой спор мог произойти лишь в случае наличия в Судакe значительного количества армян, а также армянской церкви, где должны были отмечать этот важный церковный праздник. На полях того же Синаксаря имеется еще более ранняя приписка от 1242 г., в которой упоминается о смерти Давида, сына Смбата. Упоминаемый здесь Давид был видимо влиятельной в свое время

личностью, если греки помянули его на полях своей рукописи.¹⁰

Взаимоотношения между различными народами Крыма, жившими по соседству, исключая периоды военных столкновений, были вобщем добрососедскими. Экономически все они были связаны общими интересами. Армяне, как хорошие строители и ремесленники, выполняли заказы не только своей знати, но также генуэзцев и татар. Следы их деятельности прослеживаются на многих неармянских памятниках Крыма.

Новый приток переселенцев появляется в Крыму в конце XIV в., после падения Армянского Киликийского царства (в 1375 г.) и большого оттока оттуда армянского населения.

Из средневековых армянских поселений Крыма особое место принадлежит Сурхату — генуэзский Солхат или Солгат, татарский Крым, ныне город Старый Крым. Небольшое поселение на этой территории, история которого восходит к античности, приобретает к XIII веку важное значение — оно становится одним из центров развивавшейся здесь международной торговли. Завоевавшие полуостров татары именно здесь основали свой политико-административный центр, оттеснив на окраины живших здесь местных жителей, обратив некоторые церкви в мечети, почему на территории города христианских памятников почти не сохранилось.

Уже в это время были известны два названия города — Солхат или Солгат (в армянских источниках Сурхат) и Крым. Как показали исследования О. Домбровского и В. Сидоренко, последнее название первоначально относилось не к городу, а к местности: «...по письменным источникам XIII в. «Крым», как название целой области, предшествует самым ранним упоминаниям об одноименном городе».¹¹ Это подтверждают и армянские письменные источники. Так, в памятной записи одной армянской рукописи XIV в. читаем: «написана сия (книга)... в стране гуннов, называемой теперь Крым, в большом и прекрасном городе, именуемом Сурхат».¹² К середине XIV в. появляются определения города такого типа: «...написана святая книга около столицы Крым, в году 808 (= 1359)».¹³ Встречается также упоминание города

одновременно под двумя названиями: «завершена (книга) в стране гуннов, называемой Сурхат и Крым, в году армянского летосчисления 850 (= 1401)...»¹⁴ В дальнейшем, в памятных записях рукописей, написанных в Сурхате, последний, попеременно, именуется то Сурхатом, то Крымом, а с XV в. преимущественно Крымом.

Фактически существовали две части города – армянский Сурхат, который генуэзцы называли Солхатом, и татарский Крым. Когда в городе появились латиняне, то местом своего пребывания там они должны были избрать христианскую часть города, почему во всех генуэзских источниках он фигурирует под названием Солхат. Это название созвучно татарскому слову, обозначающему «левая сторона» и некоторые авторы считают, что его можно расшифровать как «левое поселение» (т.е. поселение на левом склоне горы Агармыш).¹⁵ Учитывая вышеизложенное, мы вправе вернуться к неоднократно выдвигавшейся гипотезе о происхождении названия Сурхат от названия армянского монастыря Сурб Хач.¹⁶ Кстати, в армянских топонимах, связанных с названием какой-либо церкви или монастыря, нередко слово Сурб (Святой) приобретает форму Сур (иногда Сор). Так в Цопке (западная Армения), деревня, в которой имелась церковь во имя Св. Саргиса, именуется Сур. Аналогичные названия имеют деревни близ городов Битлис и Шуши. Имеется деревня Сурхач около города Агбак в Васпуракане. Название Сор (иногда Сора) встречается в провинции Диарбекир. Деревня близ Вана, где имелась церковь Св. Богородицы, также называлась Сор. В том же районе известно селение Сорхан и т.д.¹⁷

Во второй половине XIII – начале XIV вв. на территории Сурхата имелось немало христианских памятников, в основном греческих и армянских. Особенно много армянских культовых построек возводилось в XIV в. Многие из них еще сохранялись вплоть до XX в. и А. Бертье-Делагард, посетивший в начале этого века город Старый Крым, писал: «...вокруг Старого Крыма имеется много остатков церковных древностей, почти исключи-

тельно армянских, гораздо больше чем греческих». ¹⁸ К концу XIV в. обособились отдельные части города, принадлежавшие представителям разных конфессий — явление вполне естественное и обычное для многонациональных городов, каким являлся средневековый Солхат-Крым. М. Крамаровский издал план-схему города, на которой хорошо видны две христианские застройки — одна побольше в юго-западной части города, вторая поменьше — в северо-восточной. На юго-востоке — место расселения еврейской общины. Самая большая, центральная часть города, вытянувшаяся на север и северо-восток, была занята татарами. ¹⁹

Составить хотя бы приблизительное представление относительно количества армянских культовых построек на этой территории помогают созданные здесь рукописи, в памятных записях которых часто указывается под сенью какого монастыря или церкви они писались. В Сурхате находилось несколько церквей — Св. Богородицы, Св. Симеона, Св. Стефана, Воскресения, Григория Просветителя, Св. Саргиса, Св. Хоранов, Св. Креста, Св. Георга, Св. Оксента. ²⁰ Несколько вдали от города находились монастыри — Сурб Хач, Св. Степаноса (сохранившиеся и по сей день) и обитель во имя св. Иоанна. Между Сурхатом и Кафой находились монастыри Кизилташ и Гамчак, которые упоминаются в памятных записях рукописей как Сурхата, так и Кафы.

Однако, если учесть, что сохранились далеко не все рукописи, созданные армянами в Сурхате, а также то обстоятельство, что далеко не всегда в памятных записях указывалось под сенью какого монастыря или церкви писалась та или иная из них, то, надо полагать, что армянских культовых сооружений там было больше. Однако город, который согласно приведенным выше памятным записям, был «большой и прекрасный», называвшийся иногда «столицей» — должен был иметь и значительное количество светских построек. Некоторое представление о них можно почерпнуть из труда Минаса Бжшкянца, побывавшего в Крыму в начале XIX в. Описывая существовавшие в его время остатки

древностей Старого Крыма, автор раздельно описывает «Эски Крым» и «Старый Сурхат». Особенно интересно для нас описание «Старого Сурхата», где он увидел «множество развалин дворцов, церквей, бань и других сооружений. Здесь был монетный двор, где чеканили деньги, а близ моста мы увидели развалины храма Богородицы-Заступницы, (Չարխիւշիւի Սուրբ Ծովի), там же находится оружейная, а старый ханский дворец — близ речки Серен, текущей с юга. Здесь проживал до 1800 года русский архиепископ, который затем был переведен в Екатеринослав... В восточной части была круглая крепость (башня?), что видно по ее остаткам, местами видны каналы, оставшиеся от наших предков... С древних времен жили здесь караимские евреи, что видно по надписям на их могилах».²¹

О большом количестве проживавших в Крыму армян говорит также факт существования там «амкарств» — союзов ремесленников. Так, в памятной записи большого Гомилиария, написанного в 1305 г., в числе лиц, помогавших в создании рукописи, упомянут Վիճիվազ Վազր — старшина молодежной организации Казур. Такие организации, называвшиеся также «братства», существовали в Армении с IX–X вв. Они имели своего руководителя — старшину. «Братства» или «амкарства» объединяли людей общих занятий, в основном ремесленников и торговцев, игравших значительную роль в общественной жизни того времени. Подобные братства в определенной степени схожи с европейскими цехами ремесленников. Существование братств (амкарств) — красноречивое свидетельство наличия в Крыму, уже в самом начале XIV в., многочисленной армянской колонии.²²

На протяжении веков армянами было создано в Крыму немало произведений материальной культуры — архитектурных памятников, рукописных книг, многообразных изделий прикладного искусства, часть которых сохранилась до наших дней.

Изучением богатого культурного наследия крымских армян занималось немало ученых, написано большое количество исследований, в которых особое внимание уделено выдающемуся архитек-

турному памятнику крымских армян — монастырскому комплексу Сурб Хач. Расположенный вблизи города Старый Крым, в густом лесном массиве — он производит неизгладимое впечатление. Окруженный высокими стенами, монастырь похож скорее на крепость.

По описанию М. Бжишкянца: «Сурб Хач — знаменитый армянский монастырь, окруженный крепостной стеной был построен во времена генуэзцев... на высокой лесистой горе Старого Крыма, который (т. е. монастырь) раньше назывался Сурб Ншан (Святое Знамение). Невдалеке от монастыря, в лесу мы увидели древнюю могилу мученика, куда ходят на поклонение. А в день празднования (св.) Креста посещают монастырь паломники со всех сторон Крыма. Раньше были здесь и там, в большом лесу хижины отшельников, как о том свидетельствует памятная запись большого Евангелия: «в году армянского. (летосчисления) 796 (= 1347) закончена святая книга в стране гуннов, которая теперь именуется Крым, в большом и прекрасном городе называемом Сурхат, в верхних земляных домах, (у подножия) Сурб Хача, в патриаршество тер Мхитара, и в епископство тер Степаноса...»²³ Здесь следует сделать оговорку — армяне обосновались в Крыму задолго до появления там генуэзцев, т. к. в упоминавшемся выше генуэзском Указе 1316 г., сказано о существовавших в Кафе уже в то время старинных церквей греков, армян.²⁴ В этом отношении интересно сообщение Г. Спасского, побывавшего в монастыре Сурб Хач в середине XIX в., который свидетельствует, что армяне относят постройку монастыря к 1283 г.²⁵

А указанные у М. Бжишкяна «верхние замкнутые дома», находились, видимо, недалеко от монастыря. У той же горы, с другой стороны, находилось небольшое поселение Казарат, игравшее роль оборонного укрепления, которое на договорных началах должно было защищать генуэзскую Кафу от татарских набегов. «Это было армянское поселение у подножия большой горы Сурб Хач, у речки того же названия, которая по-татарски называется Мугал эоген. На этом месте сейчас одни развалины».²⁶

Сохранившийся до сих пор комплекс монастырских строений Сурб Хача создавался постепенно. Однако, несмотря на разновременность его построек монастырь производит впечатление целостного строения. Он состоит из ряда зданий: церковь с притвором, сторожевая башня (к ней был подсоединен колокол, поэтому иногда ее называют колокольной), трапезная, состоящая из двух залов, примыкающая к ней, так называемая «хозяйственная комната», два внутренних двора, в одном из которых расположены двухэтажные кельи и ряд подсобных помещений. Из двора каменные лестницы ведут на второй этаж келий и к более позднему строению над трапезной. Все эти здания окружены высокой монастырской оградой. Вне монастырской стены, к югу, стоит и поныне гостиница монастыря, построенная в начале XX в.

Из всех строений комплекса наибольший интерес представляет церковь Св. Знамения. Она являет собой тип крестовокупольного трехнефного строения, с одной центральной и четырьмя боковыми абсидами. Купол с высоким двенадцатигранным барабаном опирается на арки, сидящие на четырех устоях (пилонах), капители которых украшены мелкими сталактитами. В северной стене находится купель, украшенная теми же узорами, над нею круг в виде венка, внутри которого — рельефное изображение нисходящего голубя (св. Дух). Богаче оформлен западный портал церкви, соединяющий ее с притвором (гавитом). Портал фланкируют тонкие полуколонки, капители которых украшены рельефными сталактитовыми узорами, напоминающими лилии. Подобные «лилейные» капители встречаются и в греческой, и в татарской архитектуре Крыма. Портал, непосредственно над входом имеет нишу со стрельчатым, сталактитовым завершением, внутри которой плохо сохранившееся живописное изображение Богородицы с младенцем. Над нишей — рельефное изображение агнца с лабарумом (знаменем с крестом) — символ Христа. Этот же символ изображен и в центре подкупольного пространства церкви. Запрещенный восточно-христианской церковью на Трулльском соборе (X в.), символ этот имел широкое распространение на латинском западе. Он иногда встре-

чается в искусстве Киликийской Армении, которая находилась в тесных связях с западной церковью, а также на монетах киликийского царя Левона III (1198–1219).

Связи с западной церковью, в определенной степени, имели место и в среде крымских армян, живших в непосредственных контактах с итальянскими колонистами Крыма. Известно, что часть крымских армян в 1318 г. приняла католичество.

Однако, в основном, армянские зодчие Крыма опирались в своей деятельности на традиции многовековой национальной архитектуры.

В средневековой архитектуре Крыма широкое распространение получили декоративные элементы, свойственные армянскому искусству. К числу этих элементов, помимо отмеченных, принадлежат также орнаменты из шести и восьмиконечных звезд в сочетании с крестообразными узорами и распространенный узор из толстых, перевитых жгутов, получивший название «сельджукской» цепи. Относительно этого термина и, вообще понятия «сельджукское искусство», как показал И. Орбели, следует понимать искусство завоеванных сельджуками народов Малой Азии и Закавказья.²⁷ Элементы этой орнаментики встречаются на многих постройках Крыма. Сохранившиеся на стенах крепостной стены города Кафы гербы генуэзских консулов, украшены орнаментами, характерными для армянского зодчества и, по всей видимости, выполнены армянским мастером. Сходные узоры рельефов, украшают и некоторые строения крымских татар и караимов. Интересные параллели можно провести, сравнивая украшения порталов армянской церкви Иоанна Предтечи в Кафе, мечети Узбека в Старом Крыму и Судакской капеллы с образцами сходного орнамента, характерного для памятников Армении XII–XIII вв. (Гандзасар, Дсех, Гошаванк).²⁸ Это было искусство, которое сформировалось на основе общего ирано-армяно-византийского художественного стиля.²⁹

Наиболее обстоятельное исследование монастыря было осуществлено А. Якобсоном, который произвел обмеры монастыря и

дал подробное описание его конструкций: «Зодчий здания, — писал он, — имел перед собой совершенно определенную задачу: воспроизвести композицию, обычную для его времени в культовой архитектуре самой Армении. Именно там единственно принятой в то время была система размещения хоранов (приделов) во всех угловых секциях, а не только по сторонам алтарной абсиды».³⁰ Ю. Таманян, также занимавшийся исследованием конструктивных особенностей монастыря Сурб Хач, заметил, что по своей планировке и данным строительной техники, церковь Св. Знамения сопоставима с храмом Петра и Павла Татевского монастыря (X в.), а по общей композиции продолжает тип крестовокупольных построек, сформировавшийся в Армении еще в VI–VII вв.³¹

Церковь Св. Знамения была расписана и следы ее фресок еще сохранялись в 60-х гг. XX в. Тогда еще можно было различить, что под верхним красочным слоем, с изображением Деисуса, был более древний и того же содержания.³²

Все постройки монастыря сложены из бутового камня и лишь барабан облицован гладко тесанными каменными плитами, что дало повод исследователям предположить об их одновременности со зданием церкви. Также одновременным с нею был, видимо, и купол. На фотографии начала XX в. и на картине художника Богаевского, написанной в 1928 г., виден традиционный для армянской церкви высокий, конусообразный купол. Известно, что монастырский комплекс сильно пострадал во время войны: «плиты пола в храме и на алтарном возвышении были взломаны. Покрытие купола содрано».³³

На барабане церкви Св. Знамения монастыря Сурб Хач, сохранилась многократно издававшаяся строительная надпись:

Сей храм Божественной Славы
На земле — Рай Древа Жизни,
Который есть подобие Горнего неба
И обиталище Святой Троицы
От рождения во плоти Спасителя
В начале тысяча триста пятьдесят восьмого года

Воздвигнут во имя Святого Знамени
Усердием служителя его, инока Иованнеса
И родных братьев его и по духу сынов.

В результате последних исследований удалось уточнить, что данная надпись относится не к 1338 г. (как полагал М. Бжишкянец), а к 1358 г. от рождения Христа, что было уточнено Ас. Мнацаканяном и Г. Григоряном.³⁴ Сохранился стихотворный панегирик Акопа Кафаеци, посвященный деятельности инока Иованнеса:

Повелением св. Духа, некий (муж) ученый,
Именем Иованнес, повелительным соизволением,
Прибыл из страны великой Себастии,
Воздвигнул с верой монастырь святого Знамени,
Имея с собою частицу креста Спасителя.
Прибыл он в нашу страну с великой славою,
Передал частицу господнему попечению,
Перестроил монастырь св. Знамени.³⁵

В данном стихотворении дважды повествуется о том, какую работу проделал инок Иованнес. Вначале говорится о том, что он «воздвигнул» монастырь Св. Знамени, а вторично — что он перестроил монастырь. Исходя из данных этого панегирика, надо полагать, что на территории монастыря в середине XIV в. производились капитальные восстановительные работы.

Как известно, в средневековьи, подобные работы приравнивались к строительным. Следует также заметить, что слово «շինգրութի» в древнеармянском языке (грабаре) имеет двойное значение — «շինգր» и «շինգրութի». На это обратил внимание И. Орбели, отметив, что «при условии больших починок или исправлений понятия «շինգր», «շինգրութի» употреблялись в надписях не только в значении «строить», «сооружать», но и «отстраивать», «возобновлять».³⁶

О деятельности ученого мужа, инока Иованнеса, повествуется также в памятной записи рукописи, написанной в 1368 г., где сказано, что он «воздвиг в монастыре своем храм небесноподоб-

ный, прекрасный со сводами, увенчанный куполом, со святым алтарем, украшенным золотом».³⁷ Поскольку строительство происходило на территории уже существовавшего монастыря, ясно, что речь идет о восстановительных работах. Здесь также слово, «Գիւղիւնի» следует понимать в значении «возобновил».

Историко-культурный комплекс Сурб Хач многократно обстраивался и реставрировался. С каждым этапом исследований монастыря приоткрываются все новые страницы его многовековой истории. О некоторых вехах в его жизни повествуют надписи на стенах памятника. Так узнаем, что наружная дверь монастыря в XVII веке обновлялась: «Эта дверь поставлена в память паломника Саргиса в году 1686».³⁸ На территории монастыря имеется жилое здание с 16-ю кельями. Над его входом имеется надпись: «С помощью божьей, сия внешняя стена с прекрасными верхними и нижними кельями сооружена во славу (церкви) Св. Знамения в году 1143 (= 1694). Пусть они будут памятью архиепископа Акопа..., а также всех потрудившихся».³⁹

Монастырь был центром, объединявшим армянское население Крыма, которое придерживалось основ национальной апостольской церкви. Об этом говорит поздняя надпись на одной из его стен, повествующая о реставрации монастыря: «Милостью Божьей монастырь Сурб Хач вторично возобновлен великолепно, а также храм и наружные дворы с окружающими их стенами. Он — престол всего нашего народа просветительской веры (т. е. установленной Григорием Просветителем) на острове, т. е. жителей Кафы, Карасу, Бахчисарая, Геозлу, всех сел с Каушанами и с Румелией, коих мужья и жены... содействовали сему (возобновлению монастыря) во времена епархиального начальника острова, архиепископа Адама... Он был радетелем и виновником перестройки... Год Спасителя нашего 1751...»⁴⁰

Удивительно, что позднейшие реставрации не нарушали целостности всего комплекса. Эту особенность памятника отметили и крымские археологи: «Сурб Хач — творение не одного, а многих, сменявших друг друга зодчих. Тем не менее можно подойти

к нему как некоему единству: он сохранил целостность общего замысла при всех переделках и щедро наделен чисто архитектурными достоинствами. Кроме того монастырь вобрал в себя немало и от других искусств — декоративной пластики, полихромии, живописи». ⁴¹

Это прекрасно доказывают результаты проведенных здесь ими археологических исследований 1976–1978 гг.

Следующим этапом в исследовании архитектурного комплекса Сурб Хач явились работы армянских археологов. Осуществлению этого проекта предшествовало письмо председателя Армянского общества г. Старый Крым, Арутюняна Вальтера, направленное в адрес президента Академии Наук Армении — В. Амбарцумяна с просьбой содействовать делу спасения армянского монастыря Сурб Хач от разрушения. В ответ на это письмо В. Амбарцумян в 1990 г. обратился с ходатайством в Институт Археологии и Этнографии РА. В Крым была отправлена археологическая экспедиция, проработавшая там на протяжении 1992–1994 гг.*

Было предусмотрено провести дополнительные исследования и подготовить памятник к восстановительным работам.

* В составе экспедиции — Ф. Бабаян, археолог, руководитель экспедиции (1992–1994 гг.), Н. Хачатрян — археолог (1993–1994 гг.), М. Петросян — строитель (1992–1993 гг.), Дж. Саргсян — архитектор (1994 г.), Л. Ханагян — художник (1994 г.), Н. Котелькова — художник (1994 г.).

Изыскания на территории монастыря проводились при непосредственном содействии мэра города Старый Крым — А. Панина. Работы финансировались директором ереванского комбината «Метакс» А. Оганесяном, архитектором А. Тоникяном, Крымским государственным комитетом архитектуры, градостроительства и использования архитектурных памятников. Работы 1992–1993 гг. проводились при содействии руководства Армянского Общества Крыма в лице А. Даниеляна.

В процессе наших археологических изысканий, моральную поддержку нам оказали директор Государственного историко-культурного заповедника «Старый Крым» Наталья Понамарева и главный хранитель фондов заповедника Людмила Супрун. Всем выражаем нашу глубокую благодарность.

Крымские Византизмские товарищеские
общества "Византизм"

НАУКА И ОБЩЕСТВО
ОБЪЕДИНЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО

Крымский институт истории и культуры

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

Крымский институт истории и культуры

ПРЕЗИДИУМУ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ВИКТОРУ АМБАРЦУМЯНУ

Наше письмо представителей армянской общины города Старый Крым Крымской области продиктовано глубокой печалью и заботой о судьбе уникального памятника архитектуры и истории армянской культуры в Крыму – средневекового монастырского комплекса Сурб Хач.

Более пятнадцати лет комплекс находится в плане Крымской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, имеется проектно-сметная документация, решены вопросы финансирования, но мастерская категорически отказывается приступить к реставрационным работам.

С большими трудностями нам удалось в июне месяце текущего года учредить собственной научно-производственной предприятие "Сурб Хач" с целью охраны, изучения, реставрации монастырского комплекса, и его рационального использования в научных, культурно-просветительских и религиозных целях.

Принимаясь за столь ответственное дело, мы четко представляли ожидаемые нас трудности / ведь общий объем работ по смете составляет 1,5 млн. руб./, тем не менее, полны решимости довести до конца начатое дело. За последние годы, не выдержав натиска неорганизованного туризма, монастырь начал интенсивно разрушаться и, если не принять в ближайшие 1-2 года самые экстренные меры, строения монастыря, и прежде всего храм, могут превратиться в руины.

Полагая, что на всех нас лежит высочайшая ответственно сть за культурное наследие наших предков, которое мы обязаны сохранить и оставить нашим потомкам, обращаемся к Вам с просьбой оказать содействие в предоставлении нам финансовой и материальной помощи в создании минимальной производственной базы для ведения реставрационных работ:

Письмо к В. Амбарцумяну

Археологические изыскания были начаты на юго-западном участке от главного входа монастыря, с его внешней стороны, где был удален слой строительного мусора. Во время очистительных работ раскрылись каменные плиты, под которыми обнаружена водоотводная система. Начинаясь от входа в восточную келью, эта система протягивается по всей длине двора, входит в келью, имеющую сводчатое перекрытие, и под полом выходит в сторону монастырского сада. Она была замечена крымскими археологами, однако им не удалось полностью ее открыть, поскольку строителями это пространство было покрыто каменными плитами. Для спасения второй кельи от дождевых вод, по нашей инициативе сделан дренаж глубиной в 60 см, откуда накопившаяся вода, по имевшейся системе, выходила в сторону канала. Открытые трубы изнутри покрыты светлозеленой глазурью. Около одной из них найдена русская монета 1870 г. с отверстием, которая использовалась в качестве подвески или амулета. Данная находка свидетельствует о том, что в XIX в. здесь проводились восстановительные работы. Это подтверждается также наличием на данном участке труб вторичного использования. Под ними были обнаружены обломки глиняных сосудов, два из которых являются частями голубой фаянсовой чаши, датируемой XIII в. Была раскопана келья N 2, где имелась большая каменная плита с квадратным отверстием. В этом помещении отсутствуют камин и окна, сохранились только бойницы. По всей длине наружной стены келий открыта еще одна линия водопроводных труб, служивших для подачи воды. Удалось раскрыть отдельную систему труб, по которой вода поступала в три кельи. Спешно проводившиеся строительные работы не дали возможность завершить археологические исследования.

Целая система водопроводных труб была открыта в южной части крытого прохода, ведущего в церковь и входящих в комнату, условно названной нами «хозяйственной» (6,30 x 6,50). Кровля и стены этой комнаты были разрушены. После удаления накопившегося толстого слоя мусора (высотой более метра) открылась

часть первоначального основания комнаты, покрытой каменными плитами. Несколько к югу от центра комнаты, в полу, обнаружена восьмигранная база колонны из белогорского песчаника (34 x 40 см), которая была установлена на глубине 1,40 м. на каменном основании. База находилась на первом культурном слое, на глубине 40–50 см, где нужно было произвести раскоп. Однако строителями база была извлечена и установлена на втором культурном уровне и поэтому оказалось невозможным выявить первоначальную структуру строения. Ясно лишь, что эта комната и трапезная были построены на одном строительном уровне. Рядом с базой, на первом культурном уровне, была открыта водопроводная система, которая брала начало несколько выше родника-бассейна, расположенного во дворе церкви. Продолжаясь по двору, через крытый проход, водопроводные трубы входили в «хозяйственную» комнату, а оттуда доходили до небольшого отверстия, открытого в западной стене строения. В этом отверстии был установлен удлиненной формы камень, через который вода стекала в каменный, украшенный гравировкой резервуар, находящийся под стеной строения. Многочисленные посетители церкви перед входом «омывались» текущей сверху водой, которая через открытый резервуар, посредством водопроводных труб, стекала в сторону сада.

Трубы водопровода изготовлены из красной глины (длина каждой трубы — 40 см, диаметр — 10-12 см). Начало водопроводной системы не удалось открыть из-за начавшихся строительных работ.

Обычно хорошо обожженные трубы устанавливались в закрытые каналы. Вообще, водопроводная система тщательно скрывалась. Подобный метод издавна применялся в Армении, что подтверждают многочисленные археологические и письменные источники. Так например о городе Карин имеется следующее сведение: «что касается воды, то здесь все обстоит прекрасно. Нет никого в городе, будь то богатый или бедный, кто не мог бы пользоваться водой из скрытых (подземных) водопроводов».⁴² Интересно в этом отношении надпись, сохранившаяся на южной стене

анийской церкви, построенной Тиграном Оненцем в 1215 г. В ней указаны подаренные им церкви села, сады и пр., а в числе даров особо упоминаются водопровод и баня.⁴³

Наилучшие образцы системы водоснабжения средневековой Армении свидетельствуют, что она была хорошо отработана и армянские мастера, попадавшие в другие страны, воспроизводили ее, применяя в новых условиях эту весьма существенную часть строительного дела.

Соответственно с рельефом местности трубы закладывались на различную глубину (0,75–3,5 м). При незначительных различиях, они имели почти одинаковую длину 51–52 см, а диаметр колебался от 9 до 18 см.

Вся территория монастыря Сурб Хач, охватывавшая различные участки и по горной местности, и в лесном массиве, покрыта сетью водопроводной системы и водохранилищами. Один из отрезков этой системы, находящийся в юго-западной части около церкви, был подвергнут гидрологическому обследованию. Выяснилось, что водохранилище и родники (в расположенных террасах садах их сохранилось три), а также связывающие их трубы находятся в аварийном состоянии. Было предложено при помощи раскопок проверить и восстановить их аварийные участки.

Водопроводная система монастыря Сурб Хач постоянно восстанавливалась, расширялась, находясь в центре внимания монахов. Вообще, водопроводные системы в Армении, как и во многих странах, рассматривались как объекты, имеющие важное стратегическое значение. Прекрасные примеры такой системы мы видим как на территории монастыря Сурб Хач, так и в других культурных центрах юго-восточного Крыма. Подобная система была найдена и около армянского монастыря XIV–XV вв. в Двухякорной бухте недалеко от Кафы.⁴⁴

Известно что и в Кафе усилиями армян проводились работы по водоснабжению города. Об этом свидетельствует генуэзский Указ от 1316 г. Согласно этому указу известно, «что водопровод армян был одним из основных источников... снабжения города и

его окружи водой».⁴⁵ Археологические исследования производились около южной и северной стен притвора церкви Св. Знамения, находившиеся в аварийном состоянии. Работы были сосредоточены у основания строения. Выяснилось, что они находились на глубине приблизительно в 20 см, непосредственно на грунте, где были установлены крупные, необработанные булыжники, которые служили в качестве основания. Расстояние между внутренней и наружной кладками стен, составляет 86 см и заполнено глиняной массой. Глины по своим упруго-пластическим, прочностным и прочим физико-механическим свойствам резко отличаются от использованных в кладке пород. Их применение было осуществлено с целью снижения сейсмических воздействий на сооружение.⁴⁶ Строители монастыря прекрасно знали свойства различных строительных материалов и умели правильно их сочетать и применять. И использованные при строении монастыря Сурб Хач известковые и песчаные растворы В. Израеляном были подвергнуты специальному анализу (см. сноску 46).*

Наружная стена притвора была восстановлена с использованием камней строения, найденных здесь во время раскопок. Все работы осуществлялись с соблюдением сохранности особенностей первоначальной строительной техники.**

Также были осуществлены работы по укреплению покрытия церкви: разрушенный бетонный слой был удален и заменен толстым слоем глины, смешанной с соломой, поверх чего было сделано временное черепичное покрытие. Со времен возведения церкви купол ее неоднократно менялся. Некоторые этапы этих

* Результаты исследования проб растворов, методами петрографического и рентгенфазового анализа показали, что они идентичны и состоят из карбоната кальция, а также небольшого количества кварцевых зерен, что характерно для средневековых растворов.

** В этих работах своими советами нам помог старо-крымский житель 86-летний мастер Г. Шаганов. Моральную поддержку оказали семьи Р. Айрапетян, С. Мосоян и Иван Иванович Михайличенко.

изменений, хорошо видны на представленных в данном издании фотографиях. Сегодня над церковью возведен новый купол.

Армянские мастера, используя привычные им методы строительной техники, воспринимали и применяли также новые способы строительства. В этом отношении интерес представляет построенная в западной части монастырского двора трапезная, состоящая из двух залов. В 1994 г. было произведено исследование этого здания. Северная сторона первого зала трапезной (6,82 x 7,90) имела кирпичное (плинфовое) сводчатое перекрытие, а южная — каменное, опиравшееся на четыре арочные тяги свода и массивную колонну. Колонна расположена не в середине зала, а несколько южнее. Подобную ассиметрию исследователи объясняли расположением входа, находящегося в середине восточной стены. Здесь, в результате раскопок, обнаружены три строительных слоя, каждый из которых отстоит от предыдущего на глубину в 40–50 см. Перед входом в трапезную была открыта построенная из необработанных камней лестница, которая относилась к последнему строительному периоду (XVIII–XIX вв.) Два нижних пола были отделены друг от друга толстым слоем щебня. После удаления земли и щебня, на глубине 1,2 м, открылся первоначальный уровень зала, покрытый местами каменными плитами. Остатки золы и пепла свидетельствуют о бывшем здесь пожаре. В южной части того же зала трапезной открылась часть колонны с капителью, состоящая из двух соединенных разновременных колонн. Ранняя из них, относящаяся к первому строительному этапу, сложена из гладкотесанных камней и имела украшенный рельефами карниз. Позднее, когда обвалилась часть каменного свода и были произведены восстановительные работы, каменный свод был заменен плинфовым и для укрепления опоры рядом с первой была поставлена вторая колонна, сложенная из необработанных камней. Обе колонны вместе были покрыты штукатуркой. Этот факт не был замечен специалистами.

В северо-западном углу первого зала трапезной имеется подвал, где была произведена расчистка. Согласно легенде отсюда

был вход в подземный проход, доходивший до города Старый Крым (по другой версии — до Кафы).⁴⁷

Археологическими раскопками проход не был обнаружен, здесь находилась лишь лестница, ведущая в подвал. Однако, это помещение примечательно тем, что при его постройке, использован интересный прием освещения — подоконник окна первого зала был сконструирован с определенным расчетом — имел специально оставленную щель, через которую луч света попадал непосредственно в подвальное помещение. Это — своего рода потайное освещение, имевшее определенное стратегическое значение и замеченное в целом ряде других культовых построек средневековой Армении. Наличие подобного потайного освещения имело и в главном соборе города Ани.⁴⁸

Второй зал трапезной (8,93 x 9,07 м) представляет собой прямоугольное помещение, в северной стене которого устроены камин и большая печь, вделанные в толщу стены. Последние были встроены позднее и не нарушают общую композицию прямоугольного зала.

Раскопками выяснилось, что трапезная первоначально представляла собой один большой прямоугольный зал, свод которого опирался на четыре, равноотстоящие друг от друга колонны. Лишь позднее этот зал перегородкой был разделен на две части. На полу первого зала открылось место основания четвертой колонны.

Трапезные, как места для торжественных церемоний, имели большое значение еще в древнейшие времена и были рассчитаны на значительное количество людей. Особое значение им придавалось и в средневековье. Они строились вблизи церковных строений, но больше всего в монастырских комплексах. Если первоначально трапезные входили в состав иных подсобных помещений, то позднее они строились отдельно, несколько в стороне от других построек, на видном месте и по своим размерам нередко превосходили размеры церкви.

Зальные трапезные XIII–XIV вв. представляют собой сводчатые помещения с нервюрными арками, опирающимися на колон-

ны⁴⁹. Такую конструкцию имеет и трапезная монастыря Сурб Хач, которая в дальнейшем не раз подвергалась реставрации.

Интересные результаты дали раскопки, произведенные между северной стеной притвора и крепостной стеной, где крымские археологи открыли основания шести небольших комнат. Армянская экспедиция вновь расчистила эту территорию и частично укрепила фундаменты соединяющихся между собой комнат, которые, в свою очередь, соединялись с церковью посредством двери, имеющей сводчатый люнет. Под южной стеной одной из комнат была обнаружена монета хана Тохтамыша (1376–1395 гг.). Здесь же, еще ниже, на глубине в 40 см, найдены обломки керамики XIII в. Надо полагать, что эти комнаты были кельями, часть которых погребена под построенными позднее основаниями монастырской стены. Они современны притвору, на северной стене которого сохранились фрагменты арки и части свода, принадлежавшие бывшим здесь строениям.

О наличии других построек на территории монастыря свидетельствуют открытые под восточной стеной трапезной каменные основания стен и массивной опорной стены, протянувшейся близ северной части монастырской ограды. Крымские археологи предполагают, что она являлась первоначальной оградой монастыря.

Водосточный канал, начинавшийся под родником, протягивался по всей длине двора, выходил из-под монастырской стены в сторону ущелья и проходил поверх развалин описанных выше строений, которые справедливо рассматривались как остатки более ранних построек. Археологическое исследование последних должно было осветить вопрос датировки церкви, притвора, трапезной и их временного соотношения с остальными строениями монастыря. Начавшиеся строительные работы помешали этим исследованиям, но, благодаря усилиям археологов, открытые ими основания этих строений не были разрушены, но закрыты землей и оставлены для дальнейших изысканий.

Эта территория армянскими археологами была вновь расчищена и подготовлена для раскопок, но предпринятые на этот раз

строительные работы оказались более губительными для памятника. С целью восстановления аварийной стены трапезной и покрытия двора церкви каменными плитами был разрушен не только культурный слой на глубине 1 м, но уничтожены и каменные основания вышеупомянутых стен. Удалось сделать лишь шурф в 1 кв. м в северной части лестницы, ведущей в притвор. Здесь ясно просматривался толстый слой золы. Из-под видневшейся стены строения были извлечены обломки глиняной чаши с закругленным высоким поддоном и выгравированным на ней крестообразным узором, части других чаш, украшенных рельефами и остатки небольшого кувшина с двумя ручками, относящихся к XIII–XIV вв. Здесь же была найдена серебряная монета 1300 г., времени золотоордынского хана Токты. На этом археологические работы здесь были прерваны.

Во время разведочных археологических работ, проводившихся в западной части монастыря, на территории второй террасы были открыты остатки стен, выложенных неотесанными камнями (дл. 12 м). На данной территории не были открыты стратиграфические слои. В найденных материалах обнаружили обломки керамических изделий, среди которых выделяются части поливных чаш, датирующихся XIII в. Место раскопа было нами закрыто замлей. С наружной стороны северной стены трапезной и примыкающей к ней крепостной ограды были проведены раскопки, во время которых обнаружился многочисленный археологический материал (обломки керамики, стеклянных и металлических изделий XIII–XIX вв.). В числе находок было немало производственных отходов.

Произведены раскопки и на дороге, ведущей к церкви, в 80-ти метрах от трапезной. Поводом к этой работе послужила случайная находка выложенного белыми песчаными плитами пола, который был открыт во время строительных работ, проводившихся рабочими «Завода моря». Здесь была обнаружена каменная база с круглым отверстием посередине. К западу от нее, в сторону ущелья, открылись основания каменного строения, в котором об-

наружен водопровод с маленьким бассейном. Пол был заполнен обломками черепиц, упавших с кровли здания. Здесь же было большое количество обтесанных камней со стен здания и остатки керамической посуды. Хотя раскопки не были завершены, однако эти находки свидетельствуют о существовавших здесь некогда нескольких жилых комнат. Об этом строении сохранились сведения в архивных документах 1784 г., которые хранятся в Государственном архиве Крымской области (ГАКО, фонд N 535, док. 2495).

Предварительные исследования дают основание заключить, что на дороге ведущей к монастырю, жилые помещения могли обслуживать прибывавших сюда путников, всегда находивших приют близ обители. Здесь уместно вспомнить слова из стихотворения Акопа Кафаеци:

Ты для всех нас — дом отдохновения,
Для путешественных — пристанище,
Дом желанный...⁵⁰

Поскольку на территории монастыря несколько раз производились археологические и строительные работы, оказалось невозможным представить материал по стратиграфическим данным, поэтому он систематизирован согласно известным в археологии видам, в хронологическом порядке — XIII XIV вв. и XV XVIII вв. Это керамические и стеклянные изделия, металлические и каменные орудия труда, монеты, хачкары и пр.

Сохранилось немало обломков простой неполивной повседневной глиняной посуды. Большая их часть изготовлена на гончарном круге и подвергнута обжигу. Выделяются карасы, двуручные и одноручные кувшины, чаши, миски, сосуды со сливом и крышки. Многие из них украшены орнаментальными узорами, чаще в виде параллельных, волнистых линий. Некоторые из них имеют краснорощенную поверхность. Этого типа керамика была распространена в XIII–XIV вв. Сохранились и сосуды, относящиеся к более позднему времени.

Среди обнаруженного материала отдельную группу составляют глазурованные сосуды XIII–XV вв., которые отличаются

большим разнообразием. Имеются обломки как полихромных, так и однотонных чаш, мисок, маленьких кувшинов, украшенных геометрическими и растительными орнаментами, выполнявшимися техникой гравировки по сырому ангобу. Они имеют вогнутое внутрь тулово, закругляющийся венчик, высокий кольцевидный поддон. Полива выполнена различными красками, преимущественно зелеными и желтыми.

Образцы керамической глазурованной посуды, найденной на территории монастыря Сурб Хач, имеют много общего с подобными изделиями, найденными в Армении (в основном из раскопок Ани, Двина). Определенное сходство выявляют с ними подобные же предметы, найденные в Херсонесе, Белгороде, в различных районах Грузии, а также в Феодосии.

В 1992 г. нами были произведены раскопки на территории армянской церкви Св. Георгия в Феодосии. Среди найденного материала выделяются образцы поливной и простой керамики XIII–XIV вв. сопоставимые с находками на территории монастыря Сурб Хач (спонсором этих работ был директор НП. РР ХП «Теодосия» Л. А. Арушанян).

Отдельную группу составляют красноглиняные керамические изделия, с глубокими или плоскими поддонами, украшенные росписью ангобом и покрытые тонким слоем глазури. Этот простой вид украшений имел широкое распространение в Иране, Средней Азии и Закавказье еще в IX–X вв. и вновь вошел в употребление в XIII–XIV вв., однако в несколько упрощенном виде. Керамические изделия в постмонгольский период приобретают иной характер, что было вызвано ухудшением общего экономического положения. Поливная керамика этого времени становится проще и грубее, украшения — более простыми и реалистичными, без лишних красочных оттенков. Подобная керамика производилась в это время и в Грузии, а также в армянских колониях Константинополя, побережья Малой Азии, в Таврике и в других местах. Это — последний этап в развитии полихромной глазурованной керамики в Армении. Ограниченное количество подобных изделий

не давало возможности А. Якобсону крымскую керамику сопоставлять с армянской. Однако, в 2007 г. в Двине, неожиданно, было найдено большое количество украшенных ангобом керамических чаш и их бракованных экземпляров, датируемых концом XIII в. Эта керамика сопоставима с подобными изделиями, найденными на территории монастыря Сурб Хач, что дает нам возможность датировать их XIII–XIV вв.⁵¹

Армяне, ступившие на путь эмиграций, в местах своего нового проживания продолжали развивать многие отрасли ремесленного производства, обогащая их новыми видами и техническими новшествами. Они просто умело использовали методы изготовления и украшения керамики, которые из Армении, через Трапезунд распространились по различным городам Крыма.

Деятельность армянских гончаров пользовалась в Крыму большим спросом, особенно в XIII в., поскольку со взятием Византии в начале этого века крестоносцами, временно прекратился ввоз оттуда этих изделий в Крым и недостаток разнообразной глиняной посуды восполняли местные мастера, среди которых немалую часть составляли армянские ремесленники.

Применяемая ими техника производства поливной керамики замечена исследователями на обширных территориях, где имелись центры ремесленного производства. По этому поводу Б. Федоров и А. Давыдов замечают «...Ряд связей поливной керамики прослеживается с севером Хулагуидского Ирана, в частности с Арменией. Например чаша из Нового Сарая с изображением льва, напоминает чашу из Ани, датируемую XIII в. А чаша из Сарая с лучеобразным гравированным орнаментом, тоже имеет близкие аналогии в керамике Ани. В золотоордынской керамике встречается орнамент в виде глубоко врезных треугольников известный в керамике Закавказья, Ирака и Ирана с IX–X вв., и подражающий видимо резьбе по дереву...»⁵²

Касаясь вопроса производства керамики в Крыму, И. Гольдшмит замечает, что она изготовлялась, в основном, армянскими мастерами. Узоры, которыми они покрывали глиняную

глазурованную посуду, напоминают элементы того орнамента из полупальметок и завитков, которыми украшены древние двери монастыря Сурб Хач.⁵³

Среди найденных керамических изделий интерес представляет обломок зеленой поливной чаши с выгравированными армянскими буквами «Սր. Խշչ» (Св. Крест). Согласно техники гравирования и поливы эта чаша может датироваться XIII–XIV вв., однако по палеографическим данным относится к более позднему времени (XIV–XV вв.). Крымскими археологами был найден обломок поливной чаши с армянскими буквами ՎԱՐ (ВАР), что могло означать или сокращенную форму имени ВАРСАМ, или слово ВАРПЕТ (мастер). Чаша, по палеографическим данным относится к XVI–XVII вв.

Было найдено немало глиняных светильников. Среди последних встречаются образцы, большинство которых имеет ладьеобразное тулово, узкий носик, круглое основание. Имеются также светильники с высокой шейкой, закругленной ручкой и тарелкообразной подставкой. Некоторые из них покрыты зеленой поливой. Светильники разновременные, они датируются от XIII до XVII в.

В коллекции керамических изделий выделяется несколько обломков голубой фаянсовой посуды. На одной из них имеется рельефное украшение в виде розетки. Интересен небольшой голубой сосуд с круглым, высоким поддоном, с закругленным туловом и прямым венчиком. Эти изделия датируются XIII в. Фаянсовые изделия этого времени, покрытые голубой или бирюзовой поливой, имели широкое распространение в Армении. Был также распространен метод украшения поверхности сосудов рельефными маскаронами, розетками и шариками. Найденная на территории монастыря небольшая коллекция фаянсовых сосудов, имеет параллели с подобными материалами, найденными в Двине, Ани, а также в других центрах средневековой Армении. Встречаются и привозные изделия, украшенные различными растительными узорами, относящиеся к более позднему времени (XV–XVII вв.).

Немалый интерес представляют изделия из стекла – обломки

стаканов, флаконов, оконных стекол, различных сосудов, браслетов, чернильниц, тарелок и т. д. Они разной величины, обработки и назначения. Самые ранние образцы этих изделий относятся к XIII–XV вв., однако значительная их часть датируется XVI–XVII вв., есть и поздние, вплоть до XIX в.

Выделяются пробирки с узкими горлышками, предназначенные для хранения ароматических масел, лекарств. Интересны оконные стекла, которые вставлялись при помощи гипсовых или деревянных рам как в церковные ниши, так и в здания светского назначения. Для средневековья это было дорогим удовольствием. Именно по этому поводу историк X в. Товма Арцруни, описывая царский дворец на острове Ахтамар, особое внимание уделяет его стеклянным окнам: «...они сверкали, отражая гладкую поверхность озера, распространяя сказочное сияние...»⁵⁴ Надо полагать, что такую же роскошь предвляли оконные стекла и церкви Св. Знамения.

Техника стекольного производства была известна в Армении еще в раннем средневековьи. В XII–XIII вв. производство стекла приобрело новые формы, восприняв особенности техники, известные в странах Передней Азии⁵⁵. Переселившиеся в Сурхат армянские мастера могли изготавливать нужные им стеклянные изделия, используя хорошо известные им методы, тем более, что все необходимое сырье — песок, известняк, натуральная сода, растительная зола — можно было найти в окружающих лесах и горах.

На территории монастыря они могли производить простую, лишенную украшений, дешевую стеклянную посуду, о чем свидетельствуют обнаруженные бракованные части изделий.

Интересны стеклянные и фаянсовые тарелки, стаканы и иная посуда разной сохранности, относящиеся к XVIII–XIX вв. Часть этих находок является, по всей вероятности, остатками той утвари, которую приобрел Хорен Степане на средства крымских армян для нужд служителей церкви.

Особую группу составляют глиняные и костяные курительные трубки, которые изготавливались из мелкозернистой, хорошо обра-

ботанной глины. Длина трубки колеблется от 2-х до 4-х см, головка глубокая с диаметром в 1,5 см, имеет прямой закругленный венчик. После изготовления в специальных формах и нанесения узоров трубки расщевивались и подвергались обжигу, приобретая краснолощенную или чернолощенную поверхность. Они украшены гравированными узорами, которые не повторяются. Основные виды украшений — горизонтальные, параллельные и спиралевидные линии, точки, а также трех- или четырехлепестковые узоры. На некоторых трубках имеются арабобуквенные сокращенные надписи. На одной из них сохранилось турецкое имя османсакого периода — «Кули», бывшее в употреблении в XVI–XVII вв. Это могло быть имя владельца трубки. Отдельную группу составляют трубки с изображениями крестов.

Известно, что культура табака была завезена в Европу в XVI в., следовательно самое раннее время изготовления курительных трубок — конец XVI–XVII вв.

В распространении табака и курительных трубок немалую роль сыграли армянские торговцы, совершавшие частые поездки в различные страны Европы и Азии. Что касается Крыма, то курительные трубки завозились туда большей частью из Трапезунда и Синопа. В то же время производимые армянами в Крыму курительные трубки вывозились в другие страны.

Трубки обжигались в тех же гончарных печах, что и керамические изделия.⁵⁶

Во время раскопок были найдены различные металлические изделия — железные гвозди, подковы, ножницы, ножи, части различных инструментов и украшения — бронзовые броши и пряжки, украшенные рельефными узорами. Найдены также разнообразные каменные орудия труда — точильные камни, зернотерки, зернодробилки, каменные гири датируемые XIII–XIX вв.

О товарообмене в котором принимали участие служители монастыря свидетельствуют найденные здесь монеты, относящиеся к различным временам.

Крым — анонимная медная монета, 1280 г.

Токта-хан — серебряная монета 1290 г,
Токта-хан — серебряная монета 1299 г
Токта-хан — серебряная монета 1300 г.
Крым — серебряная монета 1309 г.
Анонимная медная монета XIII–XIV вв.
Крым — медная монета, XIII–XIV вв.
Крым — медная монета, XIV в.
Крым — медная монета, XIV в.
Крым — медная монета 1376 г. (хан Тохтамыш, 1376–1395 гг.),
Крым — медная монета, XV в.?
Крым, Шахин Гирей, 1191 г. .х. (1790 г.)
Деньга, русская монета 1749 г.
Остальные монеты XIX в.

Датировку монет уточнила кандидат исторических наук, нумизмат Арминэ Зограбян.

Во время раскопок было найдено несколько хачкаров и могильных плит, датированных XV–XVI вв. На некоторых из них читаются надписи.

На стенах монастыря Сурб Хач имеется немало разновременных надписей, касающихся различных этапов его жизни, а также вмонтированных в его стены хачкаров. Последние имеют различное назначение — поминальные, посвященные какому-либо событию, строительные. Особенно интересны последние, по которым выясняется, что каждое новое поколение вносило свой мощный вклад в историю монастыря — он реставрировался, достраивался, получал помощь от прихожан, благодаря чему выстоял и дожил до наших дней.

Культура хачкаров в Армении восходит к древнейшим временам, к поминальным камням древности — менгирам, межевым камням, стелам-вишاپам, на некоторых из них сохранились изображения растений, животных, птиц, различных знаков, имевших несомненно определенное символическое содержание и значение.

С принятием христианства, появился новый тип поминальных камней — с изображением креста и сопутствующими символами

нового вероучения. Здесь сформировался своеобразный культ креста, а по своему историческому значению это явилось вариантом иконопочитания, характерным только для армянской средневековой культуры.⁵⁷

Хачкары — крест-камни, ставились чаще около церквей на специальном постаменте, а также вмонтировались в их стены. Освященные традицией, они становились объектами поклонения. Хачкары ставились также во имя увековечения какого-либо события или памяти героя, устанавливаясь часто на месте памятного события.

Крест высекался обычно на ровной поверхности камня, чаще в виде процветшего креста, как символа «древа жизни». Окруженный орнаментальными рельефами, тематика которых сложна и многообразна. Изображавшаяся на ряде хачкаров, в основании креста большая розетка — также связана с древними верованиями, с космогоническими представлениями, с культом солнца. Иногда на месте розетки изображались многоконечные звезды. Изучение изображений кругов, треугольников, пяти, шести и восьмиконечных звезд привело к выводу, что все эти узоры и их сочетания имеют древнее происхождение. Этот узор, со всеми его разновидностями, нашел широкое распространение у многих народов Средней Азии, Ирана, Закавказья, а также в Крыму. Он изображался и на арабских могилах. Сегодня он является гербом Израиля. В научных трудах известен как «звезда Давида», «печать Соломона».

В христианской среде, помимо восприятия его в качестве узора, имевшего символическое значение, он означает звезду Спасителя, явившуюся с Востока и возвестившей Рождество Христово. В армянских памятниках изображения звезды встречаются не редко на фронтонах церквей, на хачкарах, могильных камнях и на изделиях прикладного искусства.⁵⁸

Иногда на хачкарах высекались сюжетные изображения на темы книг Священного Писания, иногда представлялся образ распятого Спасителя. С каждой новой эпохой изображавшиеся на

хачкарах рельефы, становились сложнее и многообразнее как по содержанию, так и по формам покрывающих их разнообразных орнаментальных узоров. Это, в ряде случаев, своеобразная симфония утонченных форм рельефных узоров, которые как-бы нивелируют крепость камня.

Помимо Армении, каменные кресты (поминальные), но иные по композиции и украшениям, со свободными ветвями — устанавливались и в средневековой Ирландии. Исследования ирландских ученых показали, что эти крест-камни связаны с деятельностью в этой стране армянских монахов, появление которых известно там в период раннего средневековья.⁵⁹

Святому кресту были посвящены некоторые церковные праздники, которые особо отмечались в церквях и монастырях, воздвигнутых во имя Святого креста. Это праздники — «Խշի զլուս» (Обретение Св. Креста), «Խշի վերադ» (Возвращение св. Креста), «Խշի երևումը» (Видение св. Креста), «Չիրի զի խշ» (Варагский Крест). Особенно были популярны празднества, посвященные чудесному Обретению и Воздвижению Креста («Խշի զլուս»), что было связано с именем св. Елены, матери византийского императора Константина. Согласно преданию, крест, на котором был распят Спаситель, был найден царицей в 327 г. в Иерусалиме, а праздник посвященный этому событию получил название «Обретение св. Креста» «Խշի զլուս». По другой версии, крест был вторично спасен от рук неверных в VII в. византийским императором Ираклием.⁶⁰

В Армении особой популярностью пользовался праздник, получивший название «Возвращение Креста» (Խշի վերադ). Этот праздник отмечался вселенской церковью 14 сентября. Армянская церковь отмечает его праздник в предшествующее или последующее воскресенье от этого дня (поскольку значительные церковные праздники было принято отмечать в воскресные дни). Праздник сопровождался церковным шествием, иногда с крестом, украшавшимся цветами и зеленью базилика (ռնիակ). Этот цветок по традиции считался одним из атрибутов, связанных с

поклонением кресту. В церкви совершалась хвалебная литургия. В тот же день шли на кладбище, где после поминальной церемонии ели освященную пищу.

Вторым церковным праздником, особо отмечавшимся в церкви св. Знамения — был день поминовения Успения Богоматери.

У многих народов существует обычай — первый урожай года, первые плоды освящать в церкви, местах пономничеств или в других святых местах, сопровождавшийся шествиями с ветвями деревьев и с цветами. Этот древний обычай в христианской церкви преобразуется в праздник, посвященный богородице. В Крыму этот праздник, особо отмечался в монастыре Сурб Хач, куда отовсюду собирались армяне. Он начинался в субботний день и длился до воскресенья. Поздно вечером, паломники с зажженными лампадами и с пением обходили обитель. Приглашались и музыканты. Под мелодичный звон колокола паломники заходили в церковь и служили литургию. После этого веселье продолжалось во дворе церкви с песнями и танцами.

Долгое время монастырь Сурб Хач продолжал оставаться тем центром, где собирались армяне, не только из различных сел и городов Крыма, но и из мест более отдаленных. По сообщению Хорена Степане, во время одного из таких праздничных дней, присутствовал и Ованнес (Иван) Айвазовский со своей семьей и ряд армянских деятелей, специально приехавших в Крым.

В свое время монастырь получал богатые дары от прихожан. Упоминавшийся уже Акоп Кафаеци, восхвалявший святую обитель, писал:

Простой народ, от мала, до велика,
С великой любовью идут к тебе на поклон,
Душой и телом ликуя,
На тебя уповают — престол св.Знамения.
Ты украшен достойно —
Священными сосудами из золота и серебра,
Кадилами и лампадами
Крестами и святыми книгами...⁶¹

Не менее роскошными были и праздничные ризы священников. От всей этой роскоши почти ничего не сохранилось. Лишь незначительное число церковной утвари было вывезено армянами в Ростовскую область, где они построили свой новый город — Новый Нахичеван.

При переселении армяне вывозили с собой не только рукописи, но даже хачкары. В числе последних имелся древний хачкар, называвшийся Сурб Хач, о котором пишет Е. Шахазиз и который, как рассказывают, был перевезен в Крым из Армении, а из Крыма — в Новый Нахичеван, где хранится ныне в построенном армянами на новом месте монастыре Сурб Хач.⁶²

Как и с каждым древним памятником, с монастырем Сурб Хач связываются различные легенды, сказания, предания. Одно из них связано с сохранившимися в притворе церкви св. Знамения двумя безымянными могильными плитами, на которых изображены простые священнические посохи. Согласно преданию, здесь похоронены братья Иованнес и Геворг, стараниями которых велись строительные работы на территории монастыря. У верхнего края одной из плит имеется углубление, в котором насыпана земля, прикрытая камнем. Эту землю считали чудодейственной, могущей излечивать болезни. За этой землей приходили паломники, часто издалека — взять горсть земли для излечения кого-либо из родных. Затем землю возвращали обратно. И рассказывали чудеса — земля, а скорее вера в нее, помогала.

Сохранилось сказание о молодом монахе, записанное в одной рукописи, из хранящихся в Матенадаране. Стихотворная повесть об этом событии озаглавлена: «Песнь об иноке Аветике, погибшем от татар на дороге, ведущей к храму св. Знамения». Песня начинается с восхваления молодого монаха:

Отпрыск достойного армянского рода...

Он был приятен характером и добр душой,

А обликом удивительно красив,

Точно ангел небесный...

Обладал он голосом сладкозвучным

И сведущ был в науках...

Умелый каллиграф и художник.

Он своими руками начертал святую Троицу

И образ святой Богородицы,

А также изображения многих других святых... 63

В конце приводится дата кончины художника — 1501 г. Сохранились миниатюры, выполненные приблизительно в это время, художником Аветиком. Думается, что его можно отождествить с одноименным погибшим иноком.

В окружающем монастырь лесу, близ дороги, имеются деревья, на ветви которых прохожие завязывают платочки или кулочки своей одежды. Сохранилось древнее поверье — завязав кусочек ткани и загадав желание можно надеяться, что оно исполнится. В этом поверье отразились древние представления, связанные с обожествлением природы и растительного мира, отразившиеся в культе «Древа жизни».

Каждая новая формация в истории культуры человечества, утверждая новую идеологию, новое мировосприятие, в то же время многое наследует от прошлого. И это прошлое продолжает жить в народных представлениях, обычаях, обрядах, в определенной степени переосмысливаясь и приноравливаясь к новому вероучению, к новой религии.

Недалеко от монастыря Сурб Хач, несколько к югу, в лесу, виднеются развалины еще одного армянского монастыря, частично скрытого под многолетними деревьями, разросшимися на его руинах. Монастырь посвящен св. Степаносу-первомученику (в русской литературе известен как монастырь св. Георгия). Его первое исследование было осуществлено украинскими археологами. Найдены архитектурные детали, датируемые XIII–XIV вв. и сделаны предварительные выводы.

Памятник был обследован и армянскими археологами. Раскопки были финансированы С. Амирханяном — директором симферопольской фирмы «Нафтасервис», которым авторы выражают свою благодарность. Раскопками открыто основание церкви,

абсида, опорные выступы по ее бокам, карнизы и базы от несохранившихся колонн. Наиболее ценной находкой явился небольшой чачкар с датированной надписью — 1331 г.

Обнаруженные в церкви монастыря остатки поздних строений были сложены из камней разрушенных стен памятника. Сохранились обломки простой кухонной посуды XVII–XVIII вв. Исследование вновь показало, что церковь монастыря св. Степаноса представляла собой трехнефное сооружение (8,4 x 8,6 м), арки свода которого опирались на четыре колонны — две из них были заменены выступами абсиды, а две стояли свободно.

На основе одного камня, сохранившегося от кровли, украинские археологи предположили, что церковь имела восьмигранный барабан, однако для более точного определения характера перекрытия следует произвести дополнительные изыскания.⁶⁴

Сохранились четыре армянские рукописи, в памятных записях которых упоминается название храма св. Степаноса, возможно в них речь идет о названном монастыре.

Монастырь Сурб Хач — как центр письменности и миниатюрной живописи

Из всех произведений искусств, которые создавались армянами в Крыму, лучше и полнее всего дошли до нас памятники их книжной живописи. Если в годы войн и нашествий грабились ризницы церквей и монастырей, разрушались архитектурные памятники, то рукописи сохранить было легче — их прятали, зарывали в землю, уносили с собой в изгнание. Именно поэтому, несмотря на все превратности судьбы, до нас дошло свыше 30 000 армянских рукописей, хранящихся теперь в различных собраниях мира, крупнейшим из которых является Научно-исследовательский институт древних рукописей — Матенадаран им. Маштоца. Что касается армянских рукописей, созданных в Крыму, то на сегодня их сохранилось свыше 460, из которых более 340 находятся в Матенадаране.

В средневековьи, при крупных монастырях и церквях имелись духовные школы, в которых молодежь обучалась грамоте и различным наукам. Наряду с этим, при тех же монастырях действовали и скриптории — мастерские, в которых писались рукописи. Помимо книг Священного писания, в них создавались и переписывались труды по теологии и философии, исторические летописи, книги по различным областям науки — математике, календароведению, географии, медицине, астрономии и др. Создавалась здесь и переводная литература.

Монастырь Сурб Хач был одним из крупных центров армянской духовной культуры. В действовавшей здесь школе высшего типа преподавали известные ученые-монахи, куда приезжали учиться и из других духовных центров не только Крыма, но также из некоторых районов исторической Армении. Одним из

известных наставников этой школы являлся рабунапет Аветик Хотачарак (Травоед — поскольку был настолько праведным человеком, что постоянно постился и ел только растительную пищу). Имя его упоминается начиная с 1305 г.: «Помяните... великого наставника, Аветика Хотачарака, ...который приложил много усилий приобщая нас с малолетства к Истине, сделав достойными войти в ряды священнослужителей»⁶⁵ Другим прославившимся наставником, деятельность которого также связана с духовной школой при монастыре Сурб Хач, был упоминавшийся выше Иованнес Себасти, который, «будучи любителем Слова, изучал все писания с неутомимой жаждою,... и настолько имел большую любовь к Слову Господа, что не давал отдыха глазам и векам своим, но читал и изучал глубины таинств, заключенные в «Святой Книге», и благоволением Господа, постиг смысл всех изречений, ...давая разъяснения... чтобы они проникали в сердца и души слушающих и познающих сладость мудрости...»⁶⁶

Не менее знаменитым был учитель и писец Натер, который в начале 40-х гг. XIV в., вместе с семьей, эмигрировал в Крым из Бабердской области, спасаясь от очередной агрессии. Об этом Натер написал в памятной записи одной из своих рукописей: «и все бежали в чужие страны... и добрались мы до горы Вывтака, и был там снежный буран, от которого погибли некоторые, и много скота погибло, и на другой горе, что называется Тереванц, также погибло много людей... кто в состоянии описать это страшное бедствие!»⁶⁷ Одной из жертв этого тяжкого пути стал старший сын Натера, Иованнес, бывший уже известным писцом, памяти которого отец посвятил свой скорбный плач:

Несчастный я, Натер, презренный,

...Страшное горе постигло меня

И потому я жалости достоин:

Придите и взгляните на меня

Несчастного, что весь в слезах,

Изнемогая, взываю из сердца глубины...

Был у меня сын, Иованнес,

Лет двадцати едва достигший,
Достоинств преисполнен был он всяких,
Краса и гордость нашего он рода...
Имел он вкус к мелодиям
И знал искусство музыканта.
Был также он прославленным писцом —
О том свидетельствуют книги...
И сколько б не хвалить его — все мало...⁶⁸

Добравшись со своими оставшимися сыновьями до Крыма, Натер обосновался в Сурхате. Об этом узнаем из памятной записи другого Евангелия, переписанного Натером: «В году 1347 завершена Святая Книга в богохранимой стране гуннов, называемой теперь Крым, в большом и прекрасном городе именуемом Сурхат, в верхних земляных домах, под покровительством (у подножия) храма Святого Креста, в патриаршество тер Мхитара и епископство тер Степаноса, в настоятельство Иованнеса, мудрого и святого священника, рукою грешного и неискусного писца Натера... Помяните во Христе... художника, украсившего святое Евангелие, сына моего дьякона Аветиса, и других моих двух сыновей — Степаноса и отрока Григора...»⁶⁹ В этой памятной записи Натер именует себя «грешным и неискусным» — принятая в средневековьи форма самоунижения, смирения. Что же касается искусства каллиграфии — Натер владел им в совершенстве. В памятных записях рукописей Натер именуется «всеми восхваляемым», «преуспевающим в знаниях писцом», «выдающимся мудролюбом» (философом). Сыновья Натера также переписывали древние тексты — двое из них, Аветис и Степанос, были также миниатюристами, а младший, Григор, преуспел в богословии и философии.

Натер прибыл в Крым будучи уже известным писцом. В Сурхате, в скриптории при монастыре Сурб Хач им было написано немало рукописей, 12 из которых хранятся сейчас в Матенадаране. Сыновья и внуки Натера продолжали его дело. Вообще, передача профессии от отца к сыну в средневековьи

было явлением весьма распространенным, в том числе и в среде писцов и художников. Представители рода Натера пользовались заслуженной славой и память о них еще долго жила в Крыму. Так, в памятной записи одной армянской рукописи, написанной в 1718 г. читаем: «написана книга в стране Крым, которая является местом жительства старинного рода Натера».⁷⁰

Значительная часть созданных армянами в Крыму рукописей иллюстрирована. Как и во всем христианском мире, миниатюрами украшались, в основном, книги Священного писания, к иллюстрациям которых предъявлялись определенные требования — они должны были адекватно отображать основные темы Ветхого Завета, а также наиболее символические вехи земной жизни Спасителя. Были выработаны определенные каноны, которым следовали художники и каждый из них старался, сообразно своей эпохе, своим национальным традициям, и, несомненно своим творческим возможностям, наиболее полно отобразить основные идеи Священного писания.

В истории армянской миниатюры крымская школа занимает особое место. Сравнительно длительный период мирной жизни способствовал развитию различных сторон духовной и творческой деятельности крымских армян. В данном издании мы представляем лишь те иллюстрированные рукописи крымских армян, которые были созданы в скриптории монастыря Сурб Хач, а также в других центрах письменности города Сурхата.

Поскольку армяне переселялись в Крым из различных областей Армении, естественно, они перенесли с собою в Крым традиции, навыки и опыт своих предков. Эти традиции, в начальный период, играли значительную роль в развитии здесь их культуры и искусства. В то же время крымские армяне вступали и в определенные отношения с народами, в среде которых нашли себе пристанище, и естественно, что культура и искусство обеих сторон соприкасались и определенным образом воздействовали друг на друга.

По стилю миниатюр, иногда довольно легко можно опреде-

литель к какой-либо школе живописи тяготеет художественное оформление той или иной рукописи. Однако, постепенно, в искусстве крымских армян были выработаны и свои специфические, своеобразные черты, благодаря которым почти всегда можно отличить их произведения.

Поскольку, согласно преданию, часть крымских армян — это выходцы из Ани, то в созданной ими миниатюрной живописи должны были, в определенной степени, отразиться черты анийского искусства. Выявить эти черты — задача чрезвычайно трудная из-за скудости сохранившегося материала. В данном случае интерес могли бы представить памятники XII–XIII вв. Однако до нас не дошло ни одной рукописи указанного времени, происхождение которой было бы связано с бывшей столицей Анийского царства. Но сохранились рукописи, созданные в ближайших и тесно связанных с Ани районах — это работы художников Маргарэ и Игнатиоса — оба работали в монастырях близ Ани (первый — в монастыре Бехенц, второй — в Оромосе). Их произведения проникнуты чертами новой городской культуры и представляют для нашей темы определенный интерес, поскольку развитие городской культуры имело место и в Крыму. Однако здесь была совершенно иная среда. Многонациональный мир Крыма наложил свой определенный отпечаток на создававшееся здесь искусство. Лишь в орнаментальных украшениях обоих центров армянской культуры можно отметить некоторые общие черты. Это та область искусства, в которой армянские художники всегда проявляли исключительное мастерство и фантазию. На протяжении веков были выработаны определенные и довольно устойчивые типы украшений, применявшиеся как в живописи, так и в рельефах. Их тематика многообразна. Отдельные элементы орнамента, получившие широкое распространение в армянском искусстве, восходят в своих истоках к древнейшим временам. Выполнялись они и в графической, и в живописной манере. В последнем случае — это, почти всегда, необычайно красочные и яркие узоры. Эта красочность и многообразие форм армянских орнамен-

тов всегда производили впечатление. А. Свирин, в своем труде, посвященном древнерусской миниатюре, писал: «...в орнаментации ряда русских рукописей начала XVI в. наблюдается присутствие мотивов, типичных для искусства книги древней Армении. Для объяснения этого явления надо принять во внимание, что в восточном Крыму, близ Феодосии (или древней Кафы), в XI в. возникли армянские колонии, достигшие большого расцвета в XIV в. и просуществовавшие до нового времени... Весьма вероятно, что армянские рукописи привозились в Москву и своей необыкновенной яркостью красок, поразительным разнообразием орнамента не могли не произвести впечатление на русских переписчиков и любителей книг».⁷¹

В начале своего существования армянская колония в Сурхате была более многочисленной и активной, чем в Кафе. Это прослеживается уже по количеству создававшихся в этих центрах армянских рукописей — число написанных в Сурхате в XIV в. (из сохранившихся до наших дней) превышает созданные в Кафе, приблизительно в три раза. К концу этого столетия картина меняется — большое количество сурхатских армян переселяется в Кафу, которая становится к этому времени крупным не только торговым, но культурным центром Крыма. Пополняется этот город и за счет киликийских армян, которые стали переселяться в другие страны, в том числе и в Крым, после падения Армянского Киликийского царства, завоеванного египетскими мамелюками в 1375 г.

Стилистически определяющими явились для крымских художников традиции изобразительного искусства, развивавшегося в районах северо-западной исторической Армении, входившие некогда в территорию провинции Бардэр Хайк (Высокой Армении). Приток переселенцев откуда был особенно интенсивным в первой половине XIV в. Создававшиеся в Бардэр Хайке рукописи отличаются некоторыми чертами, ставшими характерными и для многих крымских иллюстрированных кодексов — это умение правильно строить человеческую фигуру, определенный отход от условно-плоскостного решения форм, использование темных,

насыщенных красок, а также полутонов. Как в миниатюрах Бардзр Хайка, так и в крымских, встречается своеобразное сочетание в одной рукописи двух приемов – графического и живописного: часто все орнаментальное убранство исполнялось в графическом стиле, одним или двумя цветами, а сюжетные миниатюры – в многоцветной, живописной манере. В таком стиле работали сыновья Натера – Аветис и Степанос. Наиболее ярким художником был Аветис, второй сын писца Натера, который являлся также каллиграфом и переплетчиком. Всем этим искусствам он учился у своего отца Натера и первоначально помогал ему в работе. Одна из ранних, иллюстрированных Аветисом рукописей – это Евангелие, написанное Натером в 1347 г., в котором сохранилась только одна миниатюра, изображающая евангелиста Луку с Феофилом (Феофил – знатный человек, заказавший Луке написать евангелие). Для этой миниатюры Аветис, в качестве образца, использовал работу киликийского художника. Пользование образцами – метод, характерный для средневекового искусства. Образцами, чаще, были более ранние рукописи. Существовали и специальные руководства – Книги прорисей (Պատկերանոց), в которых даны образцы построения композиций и варианты орнаментальных украшений.⁷² Однако средневековые мастера использовали образцы довольно свободно – они пользовались ими как ориентиром для построения композиций, что же касается их художественного воплощения, каждый художник вносил собственное восприятие представляемых тем и образов, отбирая также нужные ему варианты орнаментальных украшений.

В 1362 году Аветис поехал в Сис, столицу Армянского Киликийского царства, где надеялся найти рукопись, содержащую труд Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии», список которого ему был заказан. Вот как пишет об этом Аветис: «Так как не нашлось образца для рукописи ни в городе, ни в монастырях, а желание /написать такую рукопись/ мучило меня, то... довелось мне поехать в страну армянскую, в царский город Сис, не только

ради книги, но и ради младшего брата моего, Григора, получившего там сан епископа Халтской области». ⁷³ Приобретя нужную рукопись Аветис возвращается в Крым.

В 1365 г. Аветис закончил работу над большим Лекционарием, в миниатюрах которого уже чувствуется уверенность зрелого мастера. Рукопись имеет три лицевые миниатюры: «Рождество», «Сошествие во ад» и «Сошествие св. Духа». Особенно удались художнику две последние миниатюры. В «Сошествии во ад» в центре композиции представлена стройная фигура Христа. Складки его одеяния изображены в беспокойном ритме — как бы невидимый порыв ветра закинул назад конец его гиматия (эта деталь трактуется как символическое указание на присутствие св. Духа ⁷⁴). В данной миниатюре, к центральной фигуре Христа обращены все остальные персонажи композиции — праведники и праотцы выводимые им из ада. В верхней части композиции представлено редко встречающееся изображение парящего ангела с сосудом в руках (в сосуде елей, которым Христос должен помазать праведников, выводимых им из ада).

В миниатюре, изображающей «Сошествии св. Духа», присутствует Богородица — иконографический вариант характерный памятникам, создававшимся в Васпуракане. Однако в художественной трактовке миниатюры, в типажах представленных образов и в общем композиционном построении чувствуется связь с традициями искусства коренной Армении, в частности провинции Бардэр Хайк, о чем говорят определенная обобщенность форм, подчеркивание контурных линий, восточный тип персонажей, характер и формы монохромных орнаментальных узоров, которыми украшены хораны (таблицы канонов согласия), титульные листы, маргиналы, инициалы. Стиль этих узоров становится настолько характерным, что часто, лишь на основании форм орнамента и характера украшений можно локализовать неподписные рукописи.

Одним из наиболее талантливых армянских миниатюристов Крыма был Киракос. Он начал свою деятельность в Сурхате, однако скоро его стали приглашать для оформления рукописей и

украшения их миниатюрами в другие центры письменности Крыма — в Кафу и в новопостроенный город Коксу.

Из хранящихся в Матенадаране рукописей, кисти Киракоса принадлежат три — два Лекционария (1356 и 1360 гг.), и Книга проповедей Вардана Айгекци (время ее написания неизвестно).

В творчестве Киракоса своеобразно сочетаются традиции двух школ армянской миниатюры — Бардэр Хайка (Высокой Армении) и искусства Киликийской Армении. Сохраняя характерную для армянской крымской миниатюры насыщенную темную гамму красок, в которой преобладают темносиние тона с редким применением розовых и малиновых тонов, художник добился их особого звучания. Однако наибольшее впечатление производят образы персонажей Киракоса. Лица их красивы, с большими, широко расставленными глазами, глубокие оттенки вокруг которых придают им особую выразительность. Следует также отметить своеобразие глубоко индивидуализированных персонажей, характерных только творчеству Киракоса.

Торжественностью и монументальностью отличается композиция «Благовещение». Удлиненные пропорции фигур, крупноплановость и пастозная техника работы делают эту миниатюру похожей на фреску. Вполне возможно, что Киракос был также мастером и в области монументальной живописи. На фоне зеленоватой стены и темносинего неба, покрытого крупными золотыми звездами, величественно выступают крупные фигуры Марии и архангела Гавриила. Прекрасен образ Богородицы, проникнутый лиричностью и затаенной грустью. В этой сцене она представлена стоящей со слегка склоненной головой. Объемно трактованный ее лик несколько контрастирует с плоскостно исполненными складками одеяния. Новый подход к изображению персонажей, со стремлением к объемной трактовке форм, появляется первоначально при изображении обнаженных частей тела — лиц, рук, ног (также тело Распятого Христа в сцене «Распятие»), тогда как остальные компоненты композиций — складки одеяний, предметы обстановки — продолжают исполняться в плоскостном стиле.

Веяния нового искусства, развивавшегося на Западе, еще очень робко, но постепенно проникают в армянскую живопись.

Большой интерес представляет выполненная Киракосом миниатюра «Вознесение». Композиция ее отличается классической пропорциональностью и гармоничностью построения. Она состоит из двух взаимосвязанных частей — внизу Богоматерь с апостолами по сторонам, а наверху — возносящийся Христос в мандорле (ореоле), окруженный ангелами и серафимами. Неповторимый, только Киракос характерный насыщенный темносиний колорит и удивительные по силе выразительности образы персонажей придают миниатюре особое обаяние.

Имевший несомненно славу хорошего художника, Киракос в 1360 г. был приглашен в Кафу для иллюстрирования еще одного Лекционария, одна из миниатюр которого представляет особый интерес. Она разделена на четыре части — две верхние миниатюры посвящены «Распятию» и «Снятию со креста», ниже представлены «Жены-мироносицы» и отдельно изображен Григор Лусаворич (Просветитель). В двух верхних миниатюрах уже бездыханное тело Иисуса Христа представлено при помощи мертвенно-бледной окраски, тогда как остальные персонажи этих миниатюр — в розоватых тонах, чем художник как бы разделяет манеру изображения живых, от распятого Спасителя. В миниатюре, на которой изображены жены-мироносицы, присутствует ангел, в руке которого — белый флаг с красным крестом. Подобное изображение нередко встречается в латинских рукописях, помимо этого — красный крест на белом фоне символизировал также герб города Генуи. Весьма знаменательно появление такого изображения в армянской рукописи, написанной в Крыму во время владычества там генуэзцев.

Для иллюстрации «Служебника» Киракос был приглашен в «новопостроенный город Коксу» (сейчас трудно сказать где находился этот город. Известно, что на южном побережье восточного Крыма, недалеко от Кафы, в сторону Балаклавы, еще в конце XIX в. имелись остатки деревень, вперемежку — татарских, гре-

ческих и армянских, среди которых имелось селение Кокдаш — мог ли здесь находиться город Коксу?).

В «Служебнике» сохранились исполненные Киракосом портреты известных армянских церковных деятелей, а также образ Богоматери с младенцем. Рукопись сильно пострадала от времени, однако некоторые портреты сохранились неплохо, что позволяет видеть мастерство художника. Они имеют те же типично киракосовские лица с красивыми, широко расставленными глазами с характерным загадочным взглядом.

Киракос был также блестящим исполнителем орнаментальных узоров. Украшенный им, уже упоминавшийся Лекционарий 1360 г., имеет роскошно оформленные титульные листы, один из которых является своеобразной иллюстрацией к «Рождеству», где буквы первой строки текста составлены из фигурок благовествующих пастухов.

Целый ряд армянских рукописей Крыма исполнены под воздействием киликийского искусства, многие образцы которого, вместе с переселенцами, попали в Крым. Сюда были перевезены работы таких прославленных киликийских мастеров как Торос Рослин, Саргис Пицак и др., произведения которых становились образцами для армянских художников Крыма.

Из иллюстрированных здесь рукописей, миниатюры которых создавались на основе традиций киликийской школы, наибольший интерес представляет большая Библия, состоящая из трех разновременных частей. Рукопись была начата в армянской колонии Италии, в городе Болонья, дьяконом Аракемом, во второй половине XIII в. В незаконченном виде она была привезена в Крым, где в городе Казарате (близ Сурхата), в 1368 г. была дописана Степаносом, сыном Натера и украшена высокохудожественными миниатюрами, автор которых остался неизвестным (им не мог быть Степанос, работы которого не дают оснований приписать ему исполнение этих иллюстраций). Дописанная в Казарате часть Библии изобилует многочисленными изображениями пророков и апостолов, помещенных на полях рукописи, а также изящными

заставками, исполненными в лучших традициях киликийской школы. Каждая страница рукописи оформлена с большим тактом и вкусом. Тонкость и изящество с которыми выписаны все детали, особенно лики святых, говорят о высоком мастерстве исполнивших их художника. Колорит строится на контрастности сочетаний светлых и темных тонов. Особенно выразительны образы святых, лица которых отмечены чертами порою настолько индивидуализированными, что кажутся портретами живых, реальных людей.

В некоторых армянских иллюстрированных рукописях Крыма, постепенно появляются элементы нового стиля, формировавшегося под определенным воздействием западной живописи. Если в ранних памятниках христианского изобразительного искусства преобладал более условный, отвлеченный метод отображения событий, с подчеркиванием их символичности, то начиная с XIII–XIV вв., постепенно, появляется новое осмысление мира, основанное на более реальном его восприятии. В Крыму, где армяне жили бок о бок с другими народами христианского мира, греками и итальянцами, эти новые идеи нашли благоприятную почву, воспринимаясь и отражаясь в создававшихся здесь произведениях искусства. Не случайно, что именно в армянских миниатюрах Крыма, в частности Сурхата, нашло отражение новое стилистическое направление в живописи, развивавшееся под влиянием «Палеологовского ренессанса» — византийского искусства конца XIII — начала XIV вв., которое сформировалось, с одной стороны на основе возрождения традиций античного искусства, а с другой — нового понимания и восприятия реальной действительности.

Одним из наиболее ярких представителей этого нового художественного направления в армянской миниатюрной живописи был художник Григор Сукиасанц, живший и творивший в Сурхате в первой половине XIV в.

До нас дошло шесть рукописей написанных и иллюстрированных Григором Сукиасанцем, из которых богатством иллюстративного материала и мастерством исполнения наибольший интерес представляет Евангелие, написанное в 1332 г. (N 7664).

Это было время, когда влияние палеологовской живописи проникло в искусство многих народов, соприкасавшихся в той или иной мере с византийским миром. Оно отразилось и в миниатюрной живописи крымских армян и, первым делом, в изобразительном искусстве Сурхата. Григор Сукиасанц, один из ярких представителей этого нового направления, украшает рукописи совершенно в ином стиле. Взамен принятых в средневековой миниатюрной живописи листовых миниатюр, ограниченных рамками и оставляющих впечатление икон, здесь мы видим свободные иллюстрации к тексту, что является новшеством в книжном оформлении. Человеческие фигуры художник изображает в непринужденных позах, иногда в профиль. Тенденции к тонкой моделировке изображений, мягкая живописная техника работы, использование эффектов светотени, благодаря чему достигается впечатление объемного решения форм — все это совершенно новый стиль работы, который сформировался в Византии в конце XIII — начале XIV вв.⁷⁵

Сюжетные миниатюры Григора Сукиасанца отличаются многообразием тем — здесь представлены не только сцены евангельского цикла, но также изображения чудес, исцелений, притч. Некоторые сюжеты представлены со всеми предыдущими и последующими событиями, так «Распятию» предшествуют миниатюры, изображающие «Христа перед Пилатом», «Несение креста», «Поднятие на крест», а затем следующие после Распятия события: «Снятие со креста», «Оплакивание Христа», «Положение во гроб», «Жены-мироносицы», «Явление Христа ученикам», «Схождение во ад». Таких циклов немало. Некоторые миниатюры представляют интерес своей иконографией, так, в сцене «Крещение», на берегу, вместо ангелов, Христа ожидает группа людей. Здесь иллюстрирована ранняя версия, согласно которой, Спасителя после Крещения ожидает готовый принять крещение народ.

Большое впечатление производят образы персонажей — их овальные лица, исполненные с использованием эффектов светотени, кажутся живыми и отличаются разнообразием типажей.

В некоторых случаях Григору удастся подойти к проблеме пристрастного расположения фигур. Так, в сцене «Вход Христа в Иерусалим», Григор представляет встречающих Спасителя граждан Иерусалима более крупными (они представлены на переднем плане), тогда как Христос, изображенный на втором плане — сравнительно меньшего размера. Исследование показало, что одновременно с Григором Сукиасанцем над украшением рукописи работал еще один художник, вероятно его ученик, так как некоторые миниатюры стилистически несколько отличаются — они менее красочны, а рисунок их более скован.

В том же Сурхате, в первой половине XIV в., была создана еще одна рукопись, схожая по стилю своих миниатюр с работами Григора Сукиасанца. Рукопись эта хранится ныне в хранилище рукописей армянской конгрегации Мхитаристов в Вене (N 242). Миниатюры ее очень схожи с работами Григора Сукиасанца. Как показали исследования Г. Бушхаузена, над иллюстрированием этой рукописи работали шесть художников.⁷⁶ При наличии такого количества миниатюристов, иллюстрации рукописи выполнены вобщем в едином стиле, что объясняется ролью главного художника, который, видимо, не только следил за деятельностью артели мастеров, но и, в ряде случаев, исправлял и дополнял их работу. Вобщем, иллюстрации венского евангелия, выполнены в том живописном стиле, о котором сказано выше и который явился новым словом в армянской книжной миниатюре XIII–XIV вв. не только Крыма, но и других очагов армянской письменности.

В том же стиле исполнены миниатюры Евангелия N 7647. Рукопись не имеет памятной записи, но по стилю миниатюр примыкает к работам художников, произведения которых мы представили. Очень выразительны образы евангелистов этой рукописи — они кажутся портретами живых людей, с характерными и очень разными типажамми лиц.

Представим еще одного очень интересного миниатюриста — Иованнеса сына Степаноса и внука Натера. И хотя представляемая иллюстрированная им рукопись исполнена в Кафе, однако

связь его творчества с центром письма и книжной живописи монастыря Сурб Хач неоспорима. В Сурхате, в доме отца и деда, прошла его юность, там он получил образование и начал писать и иллюстрировать рукописи. Лишь в конце XIV в. Иованнес переехал в Кафу. Он был самым талантливым миниатюристом из рода Натера. Сохранились две рукописи, в создании которых Иованнес принял участие — «Лекционарий» 1391 г. и «Книга скорбных песнопений Григора Нарекаци». В первой из них Иованнес помогал своему отцу, исполнив лишь орнаментальное украшение рукописи. Намного интереснее вторая рукопись, в которой ему принадлежат миниатюры на темы Нового Завета — «Распятие», «Вознесение» и «Успение Иоанна Богослова».

Несмотря на то, что эти миниатюры не выходят за пределы канонизированных тем, однако их исполнение и трактовка персонажей отличаются особенностями, свидетельствующими о восприятии художником нового стиля в живописи. Это уже не условная средневековая живопись, но искусство, проникнутое идеями проторенессанса. Особенно удачна созданная художником миниатюра «Распятие Христа», где выделяется образ Богородицы. Мягкая моделировка ее лица и рук, правильное построение всей фигуры, сочетаются с умением реально передавать человеческие чувства. Мария кажется в этой миниатюре удивительно живой. Скорбь ее выявляется не драматическими жестами — понунив голову, она как бы застыла в оцепенении. Лишь лицо ее, тонкое и нежное, говорит о еле сдерживаемых рыданиях. В глазах выражение немой печали и безысходного горя. Эти качества миниатюр Иованнеса уже выходят за рамки средневекового мышления. Объяснение этому явлению следует искать в тех тесных контактах крымских армян с крупными торговыми центрами Италии, которые затрагивали, несомненно, и области культуры и искусства. Это было время, когда в европейском искусстве пробуждались новые идеи, формировалось новое мировоззрение. Некоторые открытия итальянских мастеров не остались непонятыми для армянских художников Крыма, которые имели немало воз-

возможностей познакомиться с итальянским искусством. Исходя из этого, вряд ли удивителен факт появления в творчестве армянского крымского художника попыток применения новых принципов изобразительного искусства.

Целый ряд армянских иллюстрированных рукописей данного времени характеризуются своеобразным сочетанием различных художественных стилей и направлений. В них нашло место органическое соединение всего того, чем были богаты традиции многовекового национального искусства и что было воспринято от киликийской и палеологовской живописи. Используя разные образцы, знакомясь с различными памятниками современной им живописи, художники приравнивали виденное к эстетическим запросам своей среды, своего времени.

К концу XIV – началу XV вв. все большее значение в культурной жизни крымских армян приобретает Кафа, где в церкви св. Саргиса были собраны наилучшие образцы киликийской живописи. Однако представление этого весьма интересного материала не входит в задачу настоящего издания. Постепенно центры письма и книжной живописи Сурхата теряют свое первенствующее значение в духовной жизни крымских армян и все больше оживляются центры армянской культуры в Кафе. К этому времени число армян там заметно увеличивается (согласно сведениям, в середине XV в., как мы уже отмечали, 2/3 населения Кафы составляли армяне).

Положение армянской колонии в Крыму резко меняется к концу XV в. В 1475 г. Крымский полуостров был захвачен татаро-турецкими силами. Генуэзцы были изгнаны, нелегкая жизнь выпала на долю армян и греков. Помимо этого резко изменилось экономическое положение полуострова. Крым потерял свое значение крупного торгового центра. Наступившая хозяйственная разруха преодолевается лишь столетие спустя. С конца XVI в., постепенно налаживается экономика страны, однако прежнего расцвета торговые центры полуострова уже не достигают. Оживляется частично строительная деятельность

крымских армян, ограничиваясь, в основном, восстановительными работами. В это время, в связи с развернувшимися военными столкновениями между Ираном и Турцией, армянская колония Крыма пополняется новыми беженцами с арены военных действий.

В возобновивших в Крыму свою деятельность скрипториях, мастера книжного искусства переписывают старые тексты, а художники копируют миниатюры своих предшественников, тщетно стараясь достичь их высокого мастерства. Определенный спад мастерства и уровня создававшихся теперь произведений книжной живописи явился результатом не личных качеств художников, а следствием сложившихся исторических условий. Когда после большого перерыва деятельность школ письменности стала налаживаться, мастерам этого нового времени приходилось до всего доходить самостоятельно. Они учились теперь на основе копирования старых рукописей. Не обладая высокими профессиональными качествами, они старались по мере сил подражать творениям своих предков. Однако копии их намного уступают оригиналам. Художники XVII–XVIII вв., с их несомненно более светским мироощущением, оказались на перепутье двух различных эпох — средневековья и нового времени. Работа по образцам уже сковывала и тормозила дальнейшее развитие искусства, а с распространением книгопечатания, миниатюрная живопись как вид искусства, постепенно приходит в упадок. Рукописная книга вытесняется печатной, а изобразительное искусство развивается теперь в других своих видах — появляется гравюра, станковая живопись.

И в этой области крымские армяне дали немало ярких имен. Уже в новые времена прославились имена таких выдающихся армянских крымских художников, какими явились великий маринист Иван (Ованнес) Айвазовский и замечательный художник Вардкес Суренянц.

В конце XVIII в., после присоединения Крыма к России, были выселены в пределы России крымские греки и армяне. При переселении армяне вывезли с собой почти все рукописи, хранив-

шиеся в армянских церквях и монастырях Крыма, а также часть церковной утвари. В построенном переселенцами городе Новый Нахичеван (близ Ростова-на-Дону), в основанных здесь ими церквях, рукописи хранились до 20-х гг. XX в. Теперь они нашли свое последнее прибежище — в Матенадаране им. Маштоца.

*
* *
*

Монастырский комплекс Сурб Хач своей общей планировкой, особенностями архитектурных строений воспроизводит тип подобных сооружений, известных в Армении уже в XII-XIII вв. Он являлся духовным центром и важным очагом армянской культуры Крыма, принимая активное участие в оживленной экономической жизни полуострова. Расположенный неподалеку от города Сурхат, бывшего крупным торговым центром, он играл немало важную роль в развивавшемся здесь ремесленном производстве. Археологические изыскания на его территории свидетельствуют, что монастырь имел собственную производственную мастерскую по изготовлению керамики, стекла и пр., о чем говорит наличие бракованных обломков. Большое количество найденных изделий свидетельствует, что они изготовлялись не только для внутреннего использования, но составляли также немалую долю монастырского дохода.

Детали архитектурного декора, рельефы хачкаров, гравированные орнаменты поливной керамики и украшения рукописей исполнялись на основе многовековых традиций национальной культуры, впитывая и определенное воздействие местного искусства. На основе их синтеза был выработан своеобразный армяно-крымский художественный стиль.

Исследования остатков ранних сооружений и археологического материала конца XIII — начала XIV вв. позволяют утверждать, что монастырь основан не позднее второй половины XIII в.

Անփոփում

Ղրիմի միջնադարյան հայկական բնակավայրերի շարքում առանձնանում է Սուրխաթը (Սուլխաթ կամ Աուկաթ), թաթարական Ղրիմ՝ այժմ Ստարի Կրիմ քաղաքը:

Դեռևս հնագույն ժամանակներից հայտնի այս ոչ մեծ բնակավայրը 13-րդ դ. դառնում է Ղրիմում զարգացող առևտրի կարևորագույն կենտրոններից մեկը: Թերակղզին գրաված թաթարները այստեղ հիմնում են իրենց վարչատարածքային կենտրոնը: Արդեն այդ ժամանակ հայկական աղբյուրներում հայտնի էին քաղաքի վերը նշված անվանումները:

Ղրիմ անվանումը սկզբնապես վերաբերվել է ոչ թե քաղաքին, այլ ամբողջ շրջակա տարածքին: Այդ են վկայում մաս Ղրիմի հայկական ձեռագրերի հիշատակարանները: Այսպես. «...աւարտեցաւ ի հայ թուականիս ՉՉԱ /1332/, յաշխարհս Ղրիմ, ի քաղաքս Աուրխաթ, ընդ հովանեաւ սուրբ Աստուածածնին...», կամ «գրեցաւ... յաշխարհս Հոնաց, որ այժմ Ղրիմ յորջոջի, ի հռչակատր և ի հոյակապ քաղաքիս, որ կոչի Սուրխաթ, ի հողետներս վերի, որ ճղբնիս անվանի, առ ոտն սուրբ խաչիս...»: Նույն ժամանակաշրջանում հանդիպում է քաղաքի մաս այդպիսի անվանում «... Կատարեցաւ գիրքը ի մայրաքաղաքս Սուրխաթ, որ կոչի Ղրիմ, թուին ՊԸ (1359)»: Հետագայում քաղաքը պարբերաբար անվանվում է մերթ Աուրխաթ, մերթ Ղրիմ, իսկ 15-րդ դարից առավել հաճախ՝ Ղրիմ:

Աուրխաթ քաղաքը բնակեցված է եղել հոների և խազարների հետնորդներով, հույներով, կարաիմներով, ինչպես մաս հայերով: Վերջիններս այստեղ բնակվում էին ջենովացիների և թաթարների հայտնվելուց շատ ավելի վաղ: 13-րդ դ. երկրորդ կեսին և 14-րդ դ. սկզբին այստեղ արդեն առկա էին քրիստոնեական բազմաթիվ հու-

շարժաններ՝ հիմնականում հունական և հայկական: Այդ մասին Բերտյե-Դելագարդը գրել է. «Ստարի Կրիմ քաղաքի շրջակայքում կան բազմաթիվ եկեղեցական հնություններ, համարյա բացառապես հայկական, ավելի շատ, քան հունական»:

Հաստատվելով այստեղ, թաթարները, ըստ երևույթին, դուրս են մղել տեղի բնակչությանը դեպի արվարձանները, ինչի պատճառով էլ բուն քաղաքի տեղում սակավաթիվ քրիստոնեական հուշարձաններ են պահպանվել, որոնց մի մասը վերածվել են մզկիթների:

13-րդ դ. վերջում և 14-րդ դ. սկզբին առանձնանում են քաղաքի տարբեր մասերը՝ դավանանքի պատկանելիության սկզբունքով, մի երևույթ, որ բնական և սովորական էր բազմազգ քաղաքների համար:

Միջնադարյան ջենովական և թաթարական փաստաթղթերը տարբեր ձևով են հիշատակում քաղաքի անունը, առաջինները՝ Սուլդաթ (Սուրխաթի ձևափոխված տարբերակով), վերջինները՝ Դրիմ: Այստեղից կարելի է եզրակացնել, որ գոյություն է ունեցել քաղաքի երկու մաս՝ հայկական Սուրխաթը և թաթարական Դրիմը: Սուրխաթում ըստ գրավոր տեղեկությունների կառուցված են եղել բազմաթիվ եկեղեցիներ ու վանքեր: Ըստ այդ աղբյուրների Վ. Միքայելյանը հաշվել է, որ տեղում 14-րդ դ. արդեն եղել են Սբ. Աստվածածին, Սբ. Սարգիս, Սբ. Գրիգոր-Լուսավորիչ, Սբ. Նշան, Սբ. Սիմիեոնի, Սբ. Հարություն, Սբ. Ստեփանոս, Սբ. Խորանաց և Սբ. Գևորգ: Այս ցուցակին կարելի է ավելացնել ևս մեկը՝ Հովհաննես Մկրտչի եկեղեցին, որի մասին հիշատակում է Մ. ԲԺշկյանցը:

Սուրխաթահայերի կառուցած բազմաթիվ հոգևոր կառույցներից այսօր համեմատաբար բարվոք վիճակում է պահպանվել Սուրբ Խաչ վանքը, որը գտնվում է այժմյան Ստարի Կրիմ քաղաքից չորս կմ հարավ-արևմուտք: Վանական համակառույցը բաղկացած է եկեղեցուց, գավթից, զանգակատնից, երկու կամարակալ սրահներ ունեցող սեղանատնից, բնակելի երկհարկանի շենքից, մի շարք օժանդակ շինություններից:

Եկեղեցու բակից քարե աստիճանները տանում են դեպի վանահյուսի երկրորդ հարկ և սեղանատան վրա 19-րդ դ. վերջում կառուցած

(1994 թ. տվյալներով) կիսավեր հարկաբաժինը: Համակառույցը շրջափակված է բարձր պարսպապատերով: Պարսպից դուրս 1906 թվականին կառուցված հյուրատան շենքն է, այգին, քարակերտ աղբյուրները:

Բարձր լեռան վրա սաղարթախիտ ծառերի մեջ թաղված վանքը խորհրդավոր և խրոխտ ամրոցի տպավորություն է թողնում:

Սբ. Խաչ վանքը Տավրիայի, հետագայում նաև Նոր Նախիջևանի, Բեսարաբիայի լուսավորչական հայության կենտրոն է եղել:

Վանքի ամենավաղ կառույցը Սբ. Նշան եկեղեցին է: Թմբուկի վրա պահպանվել է բազմիցս հրատարակված շինարարական արձանագրությունը, որի թվականը ժամանակին ընթերցվել է 1338 թ.: Արձանագրության տարեթիվը իրապես «Ի ծննդենե մարմնով փրկչին...» 1358 թվականն է, որն ուղղվել է Աս. Մնացականյանի և Գր. Գրիգորյանի կողմից: Ընդ որում այդ թվականին տաճարի կառուցումն ավարտված է եղել:

Արձանագրությամբ թմբուկը կառուցված է սրբատաշ, մնացած շարվածքը՝ անմշակ քարերով: Ուստի, ուսումնասիրողները եզրակացություններ են արել վերջինիս հետագա կառուցվելու վերաբերյալ: Նման ենթադրությունը հաստատվում է Հովհաննես կրոնավորին նվիրված 17-րդ դ. թվագրվող ձեռնում, որտեղ ներկայացվում է վերջինիս ջանքերով իրականացված Սբ. Նշան եկեղեցու շինարարական աշխատանքը:

Կամաւ ս[ուր]բ հոգւոյն ոմըն գիտնական,

Յովհաննէս անուն շնորհիւ պետական.

Լեալ մա յաշխարհէն մեծ սեբաստական...

Կանգնեալ հաւատով զվանքս ս[ուր]բ նշան.

Ունելով ընդ իւր զփայտն փրկչական,

Եկեալ ի յաշխարհս փառօք մեծական.

Ամփոփեալ զմասն խնամօք տ[երոյ]նական,

Վերակառուցեալ զվանքս սբ. Նշան...

Հարկ է նշել, որ միջնադարում վերակառուցումները հաճախ հավասարեցվել են կառուցողական աշխատանքներին:

Եթե 1358 թվականին Մբ. Նշան տաճարը վերակառուցվել է, ապա ե՞րբ է այն հիմնադրվել: Հարցի պատասխանը ինչ որ չափով տալիս են հնագիտական պեղումները:

Հուշարձանի բազմաթիվ ուսումնասիրություններից առավել արդյունավետ են եղել Ուկրաինայի գիտությունների ակադեմիայի հնագիտության ինստիտուտի Դրիմի մասնաճյուղի արշավախմբի կատարած աշխատանքները (ընդմիջումներով՝ 1973-1980 թթ.):

Արդյունքները ամփոփված են Օ. Ի. Դոմբրովսկու և Վ. Ա. Աիդո-րենկոյի «Սովսաթ և Աուրբ-խաչ» գրքում:

Հնագիտական պրպտումների երկրորդ փուլը իրականացվել է ՀՀ ԳԱԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի արշավա-խմբի կողմից (ղեկ. Ֆ. Բաբայան): Պեղումները սկսվել են վանքի գլխավոր մուտքի հարավ-արևմտյան հատվածում՝ արտաքին կողմի հարթակում: Պեղումների շնորհիվ մաքրվել են հողակույտերը. բաց-վել է ջրահեռացման համակարգը: Սկիզբ առնելով արևելյան վանա-խցի մուտքի մոտից, այն ձգվել է բակի երկարությամբ, մտել թիվ 2 վանախցի մեջ, հատակի տակով դուրս եկել և ուղղվել դեպի վանքի այգիները:

Վանախցերի արտաքին պատերի տակ (հարավային կողմում) 1994 թ. շինարարական աշխատանքների ժամանակ պատահաբար բացվել է ևս մի խողովակաշար, որի ջրատար փակ գիծը առանձին ճյուղերով ջուր է մատակարարել վանախցերին: Մեկ համակարգով ջուրը մտել է վանք, մյուսով՝ դուրս եկել:

Ջրատար խողովակաշարը և վանախցերը թվագրվում են 17-րդ դարով, ինչը հաստատում է շինություն տանող մուտքի բարա-վորի արձանագրությունը (1694 թ.): Պեղումներ են կատարվել գավի-թի պատի երկայնքով, որն ամբողջությամբ վթարային վիճակում էր: Վերջինիս զուգընթաց վերաշարվել են փլուզման ենթակա գավթի հարավային և հյուսիսային պատերը: Աշխատանքներն իրականաց-վել է վերջիններիս նախնական շարվածքը ճիշտ վերականգնելու մտահոգությամբ: Օգտագործվել են պեղումներով հայտնաբերված և շրջապատից հավաքած շինության քարերը, պատուհանների քիվերը

և այլ ճարտարապետական մանրամասները: Նույն ձևով իրակա-
նացվել է և եկեղեցու զմբեթի վերանորոգումը, որի կիսավեր բետոնե
ծածկը հանվել և փոխարինվել է հարդախառն կավի ստվար շերտով
և ապա ծածկվել կղմինդրով:

Կորագիծ կղմինդրածածկ ցածրագագաթ քմբուկի նման ձևը
բնորոշ է հայկական ավանդական ճարտարապետական ոճին, նրա
առանձնահատկություններին:

Եկեղեցու հարավ-արևելյան պատի արտաքին տարածքում
կատարած մաքրման աշխատանքների ընթացքում բացվել են ան-
կանոն քարերով շարված կառույցի հիմնապատեր, որոնք քերևս
եկեղեցուն կից տնտեսական-արտադրական շինություն են եղել:
Հողի կույտերի միջից հայտնաբերվել են 1557 թ. գեղաքանդակ փոքր
խաչքար, կավանոթների բեկորներ, 1780 թվականի պղնձե դրամ
(Մուսքաֆա 2-րդ): Մաքրման աշխատանքներ են կատարվել դարա-
վանդ տանող աստիճանների պարապետների և աղբյուրների շրջա-
կայքում: Բացվել է առաջին դարավանդը երկրորդից բաժանող
գետաքարե շարվածք ունեցող հենապատը (12 մ երկ.), որից ներքև՝
2 հետախուզական տարածքներ: Դրանցից մեկում հայտնաբերվել է
5 մ երկ. կառույցի քարե հիմնապատ, օջախատիպ ոչ խորը շինու-
թյուն: Թեև տեղում շերտագրական նյութ չի առանձնացվել, սակայն
հայտնաբերված իրերի մեջ բավականին քիվ են կազմում 13-14-րդ դդ.
թվագրվող կավե հասարակ և ջնարկած անոթների ապակյա բա-
ժակների բեկորները: Տարածքը կրկին ծածկվել է հողով:

Հետազոտություն է կատարվել եկեղեցի տանող ճանապարհի մի
հատվածում: Բացվել է սպիտակ ավազաքարերով շարված շինու-
թյան սալահատակ, ծածկի սյան քարե խարիսխ, պատերի հիմքերի
մնացորդներ, ջրատար խողովակներ, ծածկի կղմինդրի, խոհանոցա-
յին կավանոթների բեկորներ: Տեղում նկատվում են վերակառուցման
հետքեր:

Պեղումները լրիվ չեն ավարտվել: Նյութի նախնական քննությու-
նը հիմք է տալիս ենթադրելու, որ վանքի ճանապարհին տեղադրված
սույն շինությունը իջևանատուն պետք է եղած լինի: Գուցե թե Հով-

հանճես Սեբաստացու շինարարական գործունեությանը նվիրված բանաստեղծության շարունակությունը կազմող՝ «Կարգաւ բոլորիս օքեան, Երթեսէկողաց տեղ ասպնջական...» հիշատակված տողերից երկրորդը, գուցե թե հենց այդ հյուրընկալ շինությանն է վերաբերել:

Հնագիտական աշխատանքներ են կատարվել սեղանատանը կից «տնտեսական» սենյակում: Այստեղ բացվել է մշակութային երեք շերտ (40-50 սմ հաջորդականությամբ): Երկրորդ մշակութային հատակի սալաքարերի մեջ հայտնաբերվել է ութանկյուն քարե խարիսխ. այն իր սալաքարե պատվանդանով նստած էր շինության նախնական՝ առաջին հատակի վրա: Պատվանդանի հարևանությամբ բացվել է ջրատար խողովակների համակարգ, որը մի կողմից ձգվում էր դեպի եկեղեցու գավիթը, իսկ մյուս կողմից դուրս գալիս «տնտեսական» սենյակի պատի մեջ բացված անցքի միջով դեպի վանքի այգին: Քարե խարիսխը շինարարի կողմից տեղահանվել է և տեղադրվել մշակութային երկրորդ հատակի վրա, ուստի հնարավոր չի եղել 40-50 սմ խորությամբ պեղել շինության նախնական՝ առաջին հարթակը: Հետագոտվել է միայն խարսխի և խողովակաշարի շրջակայքը: Շինության ճարտարապետական նախնական հորինվածքը չի բացահայտվել: Պարզվեց միայն, որ տնտեսական սենյակն ու սեղանատունը կառուցվել են շինարարական նույն հորիզոնի վրա: Թվագրական ճշգրտումներ անելու կապակցությամբ պեղումները շարունակվել են սեղանատան առաջին սրահում: Վերջինիս մի կողմն ուներ բոլորածև աղյուսաշար, հարավային հատվածը՝ քարե ծածկ: Վերջինս հենված էր թաղակապ կամարների և խոշոր սյան վրա: Սյունը տեղադրված էր ոչ թե կառույցի կենտրոնում, այլ մի փոքր հարավ: Նման շեղումը մասնագետների կողմից բացատրվել է շքամուտքի դասավորությամբ: Տեղում հաջորդականությամբ բացվել է մշակութային երեք շերտ: (40-50 սմ տարբերությամբ) դահլիճի նախնական առաջին հատակին պահպանվել էին մի քանի սալաքարեր: Մոխրի բարակ շերտը վկայում է տեղում եղած հրդեհի փաստի մասին: Ամբողջությամբ բացվել է սրբատաշ քարերով շարված կամարները պահող սյունը: Պարզվեց, որ այն ոչ թե մեկ, այլ երկու սյունների

միացություն է՝ մեկը կանոնավոր շարվածքով, շրջափակված քանդակազարդ քիվով, մյուսը՝ երկրորդական օգտագործման քարերով: Պեղումները պարզեցին, որ սրահի ծածկի կամարները պահել են չորս բարձր սյուները, որոնք տեղադրված են եղել մեկ գծի վրա:

Հետագա դարերում շինության ծածկի մի կողմի քարե շարվածքը փոխարինվել է աղյուսաշարով: Կառուցողական հատուկ նպատակով կամարներից երկուսը հանվել և հարմարեցվել են այլ դիրքով: Տեղում բացվեց հին կամարը պահող սյան հիմքի տեղը:

Այսպիսով, հնարավոր եղավ ճշտելու այն փաստը, որ սեղանատունը նախնական ձևում իրենից ներկայացրել է սյունազարդ ուղղանկյուն մեծ դահլիճ: Վերջինս տարբեր ժամանակներում վերանորոգման ենթարկվելու պատճառով իր վրա է կրել ու ճարտարապետությանը բնորոշ առանձին տարրեր:

Գավիթի հյուսիսային պատի և պարսպի միջև ընկած տարածքում նորովի մաքրվել են 1976 թ. Ղրիմի հնագետների կողմից պեղված, իրար հետ հաղորդակցվող և ընդհանուր մուտքեր ունեցող փոքր սենյակները, որոնցից մեկում (16 ք. մ.) հայտնաբերվեց մշակութային երկու հատակ 15–16-րդ դդ. և 13–14-րդ դդ. խեցեղեն բեկորներով 14-րդ դ. պղնձե դրամով: Սենյակները եկեղեցու հետ կապվել են գավիթի պատի մեջ բացված կամարակապ մուտքով: Սույն շինությունները անառարկելիորեն վանախցեր են եղել, որոնք կառուցվել են գավիթի հետ միաժամանակ: Վերջինիս պատի մեջ պահպանվել է այդ կառույցի թաղի կամարը պահող որմնասյան մի հատվածը: Վանքի բակում, սեղանատան հարևանությամբ Ղրիմի հնագետների կողմից պեղվել և խնամքով պահպանվել էին վաղ շինությունների պատերի մնացորդներ, որոնց լուսաբանումը կարող էր հնարավոր լինել, միայն բակի տարածքը 1 մ խորությամբ պեղելու և իր նախնական հորիզոնում ներկայացնելու դեպքում: 1992–1993 թթ. նույն տարածքը մեր կողմից մաքրվել և նախապատրաստվել էր պեղումների համար:

1994 թվականին եկեղեցու բակը սալահատակելու նպատակով շինարարի կողմից 1 մ խորությամբ ամբողջովին քանդվել և հեռացվել է հնագիտական շերտը: Մենք հասցրեցինք միայն 1x1 ք.մ. տա-

րածություն հետազոտել (եկեղեցի տանող աստիճանների հյուսիսսահին կողմում): Այստեղ հստակ նկատվեց շերտագրական հորիզոն՝ մոխրի հաստ շերտ: Երևացող շինության պատի տակից հայտնաբերվել է 13-14-րդ դդ. թվագրվող փորագիր զարդով ջնարակած քաւի հատակի մաս, կավե սափոր, կենդանիների ոսկորներ, 1300 թվականի արծաթե դրամ (ոսկե Հորդա-Թոքտա խան):

Երկար դարեր պահպանված հին մշակութային շերտի հետ մույն ժամանակ բանդվել է և սեղանտան աղյուսաշար տանիքի հատվածքը:

Ի դեպ՝ 15-17-րդ դդ. Ղրիմում լայն կիրառություն ստացած կարմրավուն, լավ թրծված, քեթև և միևնույն ժամանակ ամուր աղյուսներով մմանը չունեցող յուրօրինակ շարվածքը շինարական ինչ-որ փուլում, բացի ժամանակի ճարտարապետական ոճի արտահայտություն լինելուց, ունեցել է նաև կոնստրուկտիվ կարևոր նշանակություն:

Ճարտարապետական կառույցների վերականգնման խնդիրներից մեկը քերես հինը պահելու հանգամանքն է: Հնագիտական պեղումներ են իրականացվել սեղանատան հյուսիսային պատի և նրան կից պարսպի արտաքին տարածքում:

Հայտնաբերվել է տարաբնույթ նյութ: Վերջիններս վանքահամալիրի տարածքից ի հայտ եկած հնագիտական իրերի հետ միասին խմբավորվել են ըստ ժամանակաշրջանների և ընդհանուր ձևերի: Դրանք XIII-XVII դդ. խաչքարեր են, տապանաքարեր, հասարակ և ջնարակած խեցեղեն՝ կճուճներ, սափորներ, կարասներ, ձիթաճրագներ, ծխամորճներ, կավե ջրատար խողովակներ, հախճապակի, ապակի՝ գավաթների, սրվակների, ապարանջանների, պատուհանի ապակիների բեկորներ, քարե գործիքներ՝ աղորիքի մասեր, կոկիչներ, կշռաքարեր, զարդեր, մետաղե իրեր՝ գամեր, պայտեր, քորոցներ, ակցաններ, մկրատ և այլն, դրամներ:

1994 թ. հետազոտվել է նաև ռուսական գրականության մեջ Սբ. Գևորգ անունով հայտնի հուշարձանը: Հայկական աղբյուրներում այն կոչվել է Սբ. Ստեփանոս: Եկեղեցին գտնվում է Ստարի

Կրին քաղաքից 8 կմ հեռավորության վրա (Սբ. Խաչ վանքից 3 կմ դեպի հարավ): Սույն հուշարձանը 1973 թ. Ղրիմի հնագետների կողմից մասնակի ուսումնասիրության է ենթարկվել:

Մեր կողմից մաքրվել է եկեղեցին, որն ամբողջությամբ թաղված էր մեծ քարակույտերի և հաստաբուն ծառերի ծանրության տակ: Եկեղեցուն կից շինությունները չեն հետազոտվել: Պեղումների շնորհիվ պարզվեց, որ Սբ. Ստեփանոսը եռանավ, սյունազարդ, գմբեթավոր կառույց է եղել: Ծեմքի չորս սյուներից երկուսը ազատ կանգնած են եղել (տեղում հայտնաբերվել են երկու խարիսխներն ու քարե սյունը), իսկ երկուսը կամարով հարել են ավագ խորանին: Տակավին չի պարզված կառույցի ծածկի ճարտարապետական կերպարը:

Տեղում հայտնաբերված նյութերից ամենավաղը և արժեքավորը ոչ մեծ չափերի գեղաքանդակ խաչքարն է, որի վրա փորագրված է ՉՉ/1331/ թվականը:

1970-ական թվականներին Սբ. Խաչ վանքում Ղրիմի հնագետների ուսումնասիրությունները լրացվել են մեր կողմից երեք տարվա պեղումներով, որոնք ավելի ամբողջացրել են վանական համակառույցների ճարտարապետական կերպարը:

Պեղումներով ճշգրտվել է Սբ. Խաչ վանքի 17–18-րդ դդ. վերագրվող սեղանատան թվագրությունը: Իրականում այն 14–15-րդ դդ. թվագրվող ուղղանկյուն սյունազարդ մեծ դահլիճ է եղել: Ծածկի կամարները պահող չորս բարձր սյուները տեղադրվել են մեկ գծի վրա: Սբ. Խաչ վանքի սեղանատան ճարտարապետական հորինվածքը լիովին համապատասխանում է վերը նշված դարաշրջանում կառուցված մանաստիպ շինություններին:

Վանքի տարածքում բացվել են կավե ջրատար խողովակների եզակի համակարգեր, որոնք շինարարական արվեստի փայլուն մուշներ են հանդիսանում: Եկեղեցու բակում պեղվել են հին շինությունների մնացորդներ:

Հայտնաբերված նյութերով հաստատվել է, որ համակառույցը հիմնադրվել է 13-րդ դարի վերջից ոչ ուշ:

Տեղում կատարվող շինարարական գործողությունների

հետևանքով, սակայն, հեռացվել են գիտական թվագրության սույն փաստը հաստատող եզակի կառույցների մնացորդներն ու վերակառուցման տարրեր փուլերի հետքերը: Հայտնաբերված նյութի մի մասը հատկապես ջնարակած խեցեղենը, համադրվում է Հայաստանի միջնադարյան քաղաքներ Դ-վինի, Անիի և այլ հնավայրերից հայտնաբերված իրերի հետ: Պեղումների արդյունքները հաստատում են, որ Սուրբ Խաչ վանքը 13–20-րդ դդ. գործել և գոյատևել է անընդմեջ: Նյութի քննությունը վկայում է, որ հայերը Դրիմ են բերել Հայաստանի տարրեր քաղաքների արհեստագործության, առևտրի, շինարարական արվեստի դարավոր ավանդույթները:

Վերը հիշված կառույցների հնագիտական ուսումնասիրությամբ բացահայտվել են ոչ միայն Դրիմի տարածքում հայկական շինարարական արվեստի ազգային ակունքները, այլև տեղի մշակույթի, մասնավորապես կառուցողական տարրերի փոխներթափանցման արգասիք հանդիսացող այն իրողությունները, որոնց շնորհիվ կյանքի է կոչվել դրիմյան հայկական ճարտարապետության յուրօրինակ ոճը:

Աշխատության մեջ քննարկվել են Դրիմի Սբ. Խաչ վանքի և Սուրխաթ քաղաքի ձեռագրական ժառանգության մնուշները՝ մասնավորապես մանրանկարչության ստեղծագործությունները:

Սուրխաթի 14-րդ դ. որոշ ձեռագրերի մանրանկարներում միաժամանակ օգտագործվել է երկու եղանակ: Պատկերային մանրանկարները կատարվել են բազմագույն գեղանկարային, իսկ օրնամենտալ հարդարանքը (խորաններ, անվանաթերթեր, լուսանցանկեր)՝ միագույն գրաֆիկական եղանակով: Սուրխաթի հայերի մի շարք նկարագարող ձեռագրերում արտացոլվել են պալեոլոգյան վերածննդի գեղանկարչության ավանդույթները:

Հարկ է նշել, որ հայ նկարիչների ծանոթությունը արվեստի որևէ երևույթի, կամ գեղանկարչության մոր ուղղության հետ միշտ արտացոլվել է առաջին հերթին այն վերարտադրելու ձգտումով, իսկ հետո վերաիմաստավորելու և իրենց գեղագիտական սկզբունքներին հարմարեցնելու միտումով: Տվյալ դեպքում՝ ազգային, կիլիկյան ու բյուզանդական նկարչության ավանդույթների հիման վրա հայկական

արվեստում ծնվեց նկարչական մի նոր ուղղություն, որի առաջին նմուշները ի հայտ եկան Բարձր Հայքում, որտեղից մեծ թվով հայեր գաղթել էին Ղրիմ: Հայ վարպետները ըմբռնեցին պալեոլոգյան արվեստին հատուկ մեղմ գեղանկարային եղանակը, ծավալի պատկերումը, կլիկյան մանրանկարչության առանձնահատկությունները: Նրանք դրիմահայ արվեստին բնորոշ լակոնիկ հորինվածքներով, օրնամենտալ հարդարանքի առանձնատկություններով ստեղծեցին մի արվեստ, որն իր ուրույն տեղը զբաղեցրեց ազգային գանձերի շտեմարանում:

Ձեռագրերի հիշատակարանների շնորհիվ մեզ են հասել Ղրիմահայ գրիչների ու մանրանկարիչների մի շարք անուններ. Ղրիմում հռչակված գրիչ Նատերը իր որդիներով, որոնցից առավել տաղանդավոր էին Ավետիսը, Ստեփաննոսը և վերջինի որդին՝ Հովհաննեսը, ականավոր մանրանկարիչներ Առաքելը և Կիրակոսը և շատ ուրիշներ: Ցավոք, շատ վարպետների անունները չեն հասել մեզ: Հիշատակարանները սովորաբար, ավելի շատ տեղեկություններ են պարունակել անվանի պատվիրատուների ու նրանց ազգակիցների մասին, քան ձեռագրեր ստեղծող մշակների: Նրանց արվեստի նշանակությունը դժվար է գերազնահատել, այն իր ուրույն տեղն ունի ոչ միայն ազգային նկարչության, այլև միջնադարյան Ղրիմի մշակութային պատմության մեջ:

Summary

Sourkhat (Solkat or Solkhat), renamed by the Tatars to Ghrim, and presently known as Stari Crim, was one of the most important medieval Armenian settlements in the Crimea.

This small settlement, known since the antiquity, turned into one of the most important trading centres, prospering in the thirteenth century Crimea. Having conquered the peninsula, the Tatars established their administrative centre here.

The Armenian historical sources of the 13th–14th centuries mention all of the above toponyms either side by side or alternatively. The colophons of the Armenian manuscripts bring out the fact that originally the toponym «Crimea» designated the entire peninsula and not the town.

Thus: «Completed on the Armenian date ԹՎ ՅԺԶ (1332) in the country of Crimea in the city Sourkhat under the auspices of Surb Astvatsatzin (Holy Virgin)», or: «Written in the Country of the Huns, which is presently called Crimea in the famous and glamorous city called Sourkhat, in the city's upper part, in an earth house called Jghpnis at the foot of Surb Klatch (Holy Cross)».

At the same time the city is called Ghrim: «... the book is completed in the capital Sourkhat, which is called Ghrim in year 1359».

Later the city was alternatively called either Sourkhat, or Ghrim, and in the fifteenth century - more often Ghrim.

Sourkhat was inhabited by the descendants of Huns, Khazars, Greeks, Karaims, as well as Armenians. The latter settled here long before the Genoese and Tatars. Numerous Christian monuments, mainly Greek and Armenian, existed here since the late 13th – early 14th century already. In

this connection Bertier-Delagards wrote: «There are numerous church antiquities in the environs of Stari Crim, almost exclusively Armenian, more than the Greek ones».

Having settled here, the Tatars, probably, ousted the local population to the outskirts, by that reason only a very few Christian monuments have been preserved in the centre, majority of them being turned to mosques.

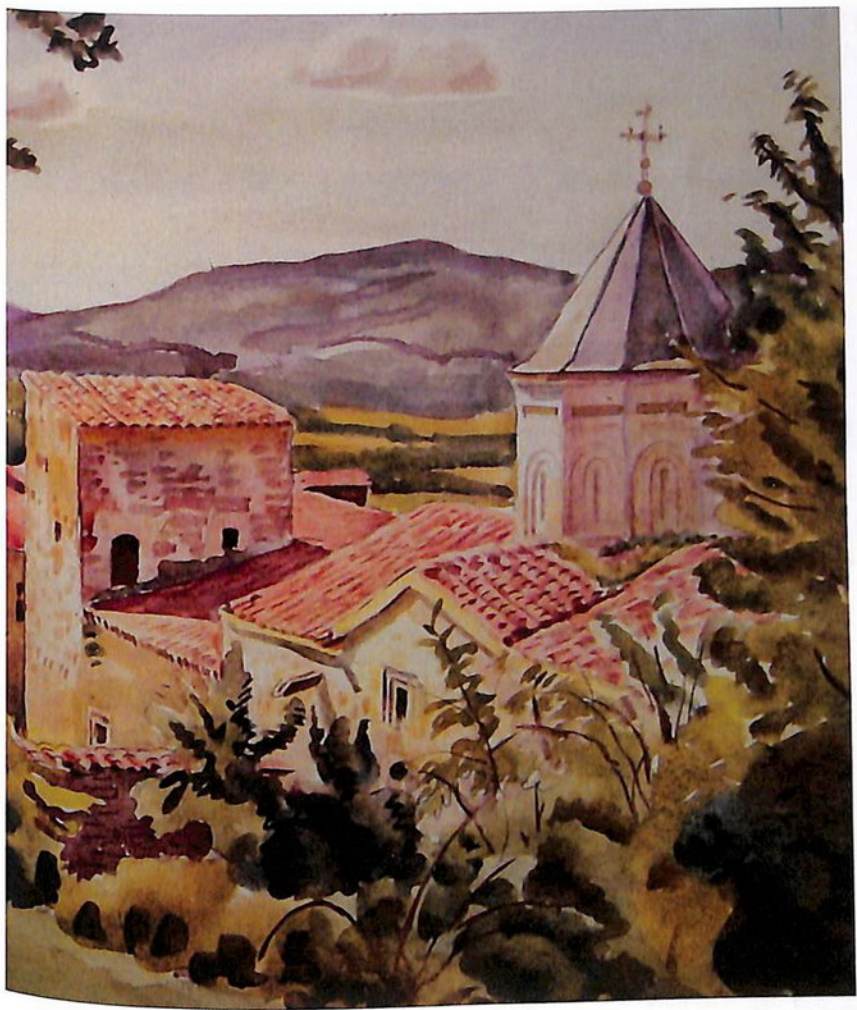
At the end of the 13th century and the beginning of the fourteenth century the city quarters were divided between the communities of different confessions - a usual and natural phenomenon in multinational cities.

The medieval Genoese and Tatar documents mention the name of the city in different ways: the former call it Solghat (transformed variant of Sourkhata), the latter – Crim. Judging from it, we can assume, that the city was divided into two parts: Armenian - Sourkhata and Tatar - Crim.

According to historical sources there were a number of Armenian churches and monasteries built in Sourkhata. Based on the above sources V. Michaela considered that the churches of St Gregory Illuminator, Surb Nshan, Surb Simeon, Surb Haroutyoun (Holy Resurrection), Surb Sarkis, Surb Stepannos, Surb Khoranats and Surb Gevorg had been erected in the 14th century already. One more church, namely Surb Hovhannes Mkrtich (St. John the Baptist) mentioned by M. Bzhshkians may be also added to this list.

At present amongst all the spiritual buildings erected by the Sourkhata Armenians the Surb Khatch (Holy Cross) monastery situated four kilometers southwest of Stari Crim city is relatively well preserved. The monastery comprises a series of buildings: a church, a gavit (atrium) a bell tower, a refectory, consisting of two arched halls, a two storied dwelling house and a number of supplementary buildings.

Right from the church courtyard the stone stairs lead to the second storey of the cell and to dilapidated apartments built over the refectory at the end of the nineteenth century (according to the data of 1994). The monastic complex is enclosed within high fortified walls. Beyond the walls one can see the guesthouse, built in 1906, garden and stone springs.

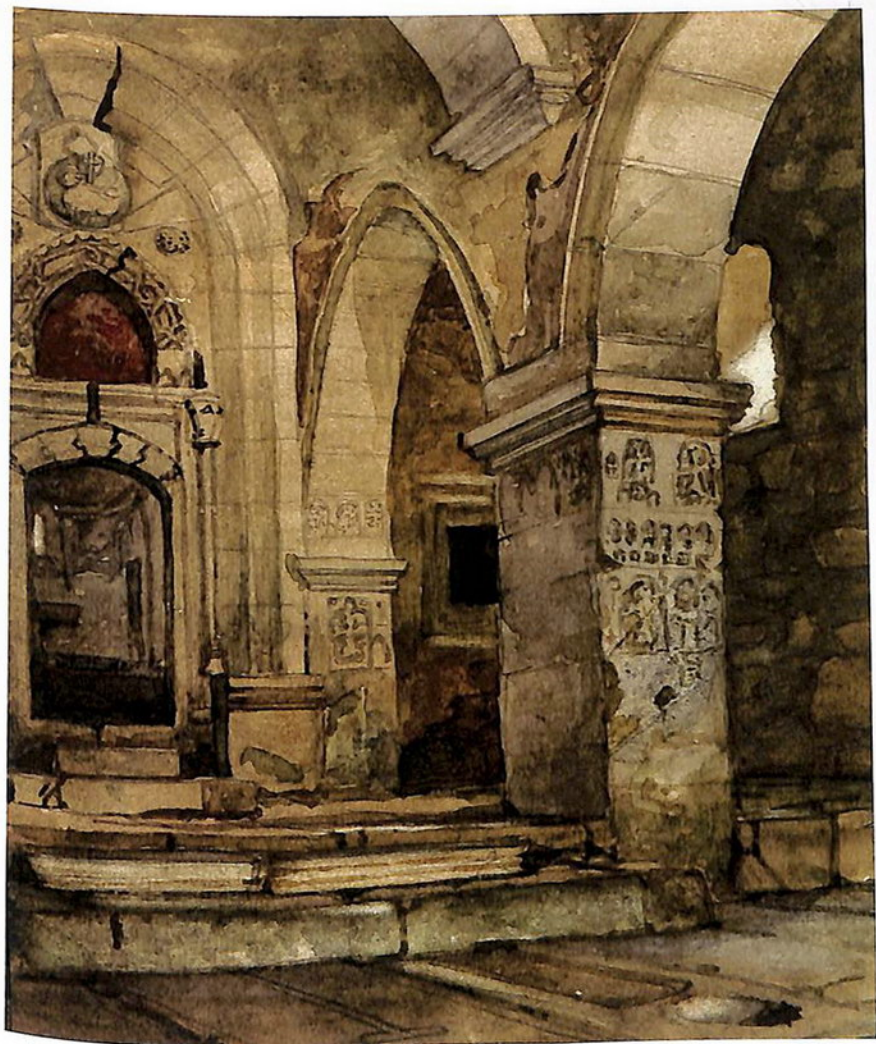
Монастырь Сурб Хач (К. Богаевский, акварель, 1928 г.)

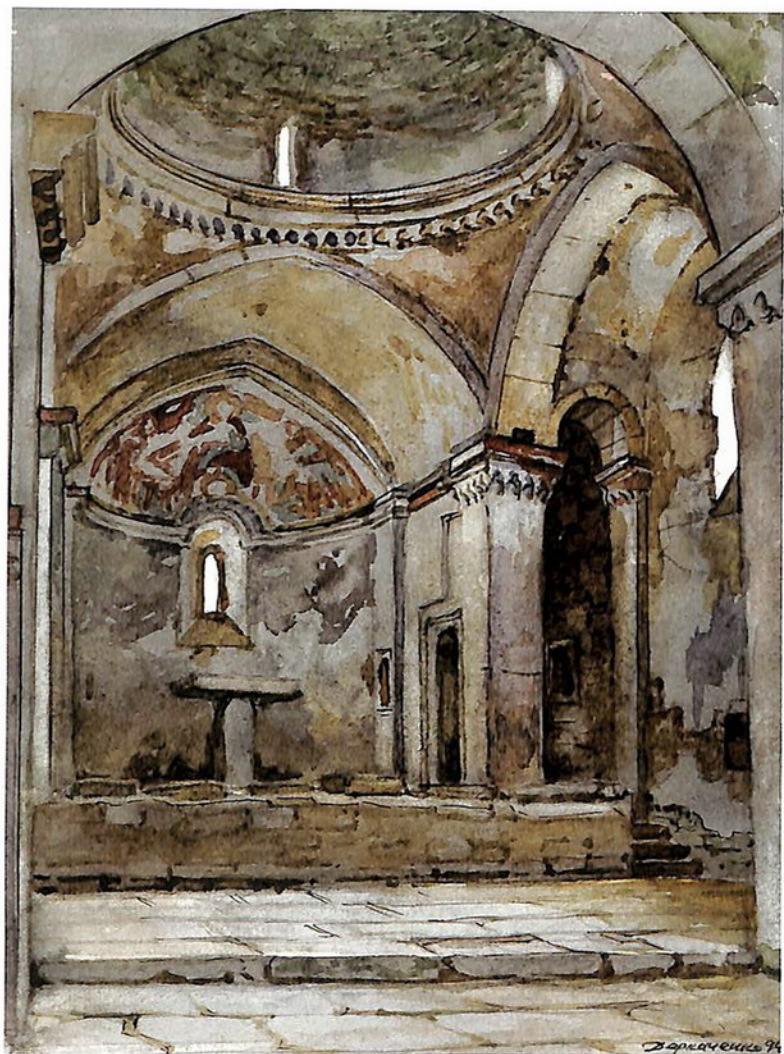
Монастырь Сурб Хач. Новое черепичное покрытие

Главный вход в монастырь после очистительных работ и родник во дворе
(Б. Деркаченко, акварель, 1994 г.)

Могильные плиты перед входом из притвора в церковь Св. Знамения
(Б. Деркаченко, акварель, 1994 г.)

Алтарная абсида в церкви Св. Знамения (Б. Деркаченко, акварель, 1994 г.)

Второй зал трапезной. (Б. Деркаченко, акварель, 1994 г.)

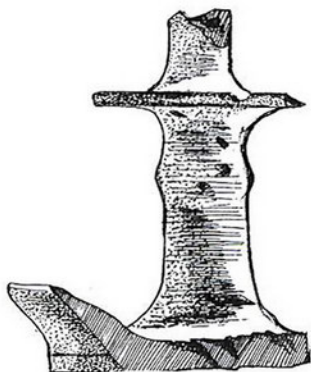
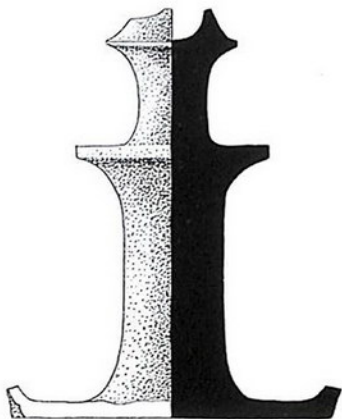
Деусус. Фреска в алтарной абсиде церкви Св. Знамения

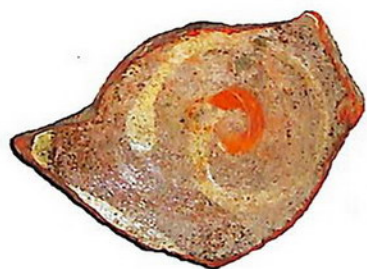
Обломки зеленых поливных керамических изделий, XIII-XIV вв.

Обломки полихромных поливных керамических чаш, XIII-XIV вв.

Части керамических светильников XIII-XVI вв.

Обломки красноглиняной керамики, украшенной ангобом, XIII-XIV вв.

а

б

в

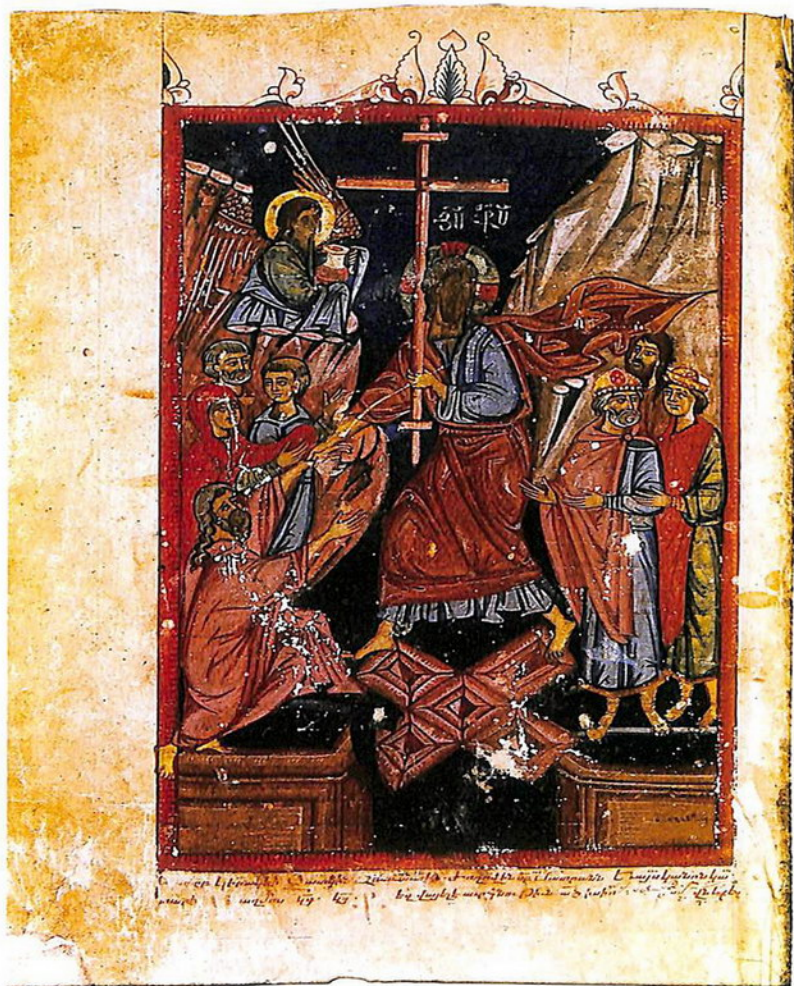
а. Обломки глиняных крышек с гладкой лощеной поверхностью. б. Ручки крышек с выступами. в. Горлышки керамических кувшинов

Верхние части кувшинов с ручками, XIII-XIV вв.

Курительные трубки XVI-XVII вв.

Сшествие во ад, г. Сурхат, 1365 г., рук. 4656, художник - Аветис, сын Намера

Благовещение, г. Сурхат, 1356 г., художник - Киракос, Матенадаран, N 7408

Вознесение, г. Сурхат, 1356 г., художник - Киракос, Матенадаран, N 7408

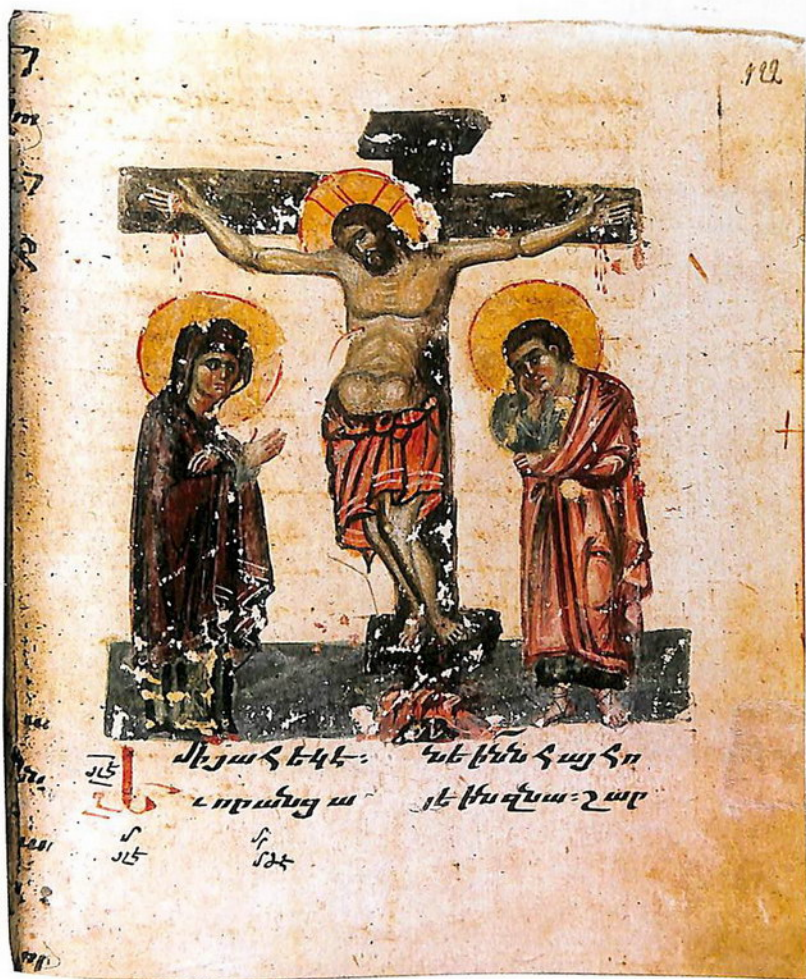
Титульный лист, г. Сурхат, 1356 г., художник - Киракос, Матенадаран, N 7408

Четыре евангелиста, г. Казарат, 1368 г., Матенадаран, N 2705

Евангелист Иоанн с Прохором, г. Сурхат, 1332 г., художник - Григор Сукиасанц, Матенадаран, N 7664

Распятие, г. Сурхат, 1332 г., художник - Григор Сукиасанц, Матенадаран, N 7664

Христос, Богоматерь и брат Господен, г. Сурхат, XIV в., Вена, N 242.

2
 Եւ զիս
 որ աւելբանս ընդ
 քահանայապետսն և ընդ

նորդպասէրն. և առաք
 եաց զպէնորոս և զյովհա
 ննէս և առէ. եր(ձ)այ. ք

զպետ. և ընդ երէման Ժող
 շալող եանն. զիմաստն և
 այն զնա նոցա:

պատրաստ եղիք մեզ զպա
 սէրն զի կեր եց ուր
 և նոր ամսեն. ուր

Евангелист Иоанн с Прохором, г. Сурхат, XIV в., Вена, N 242

Преображение, Крым, конец XV в., художник - Аветик, Матенадаран, рук. 7644

Монастырь Сурб Хач, фотография 1885 г.

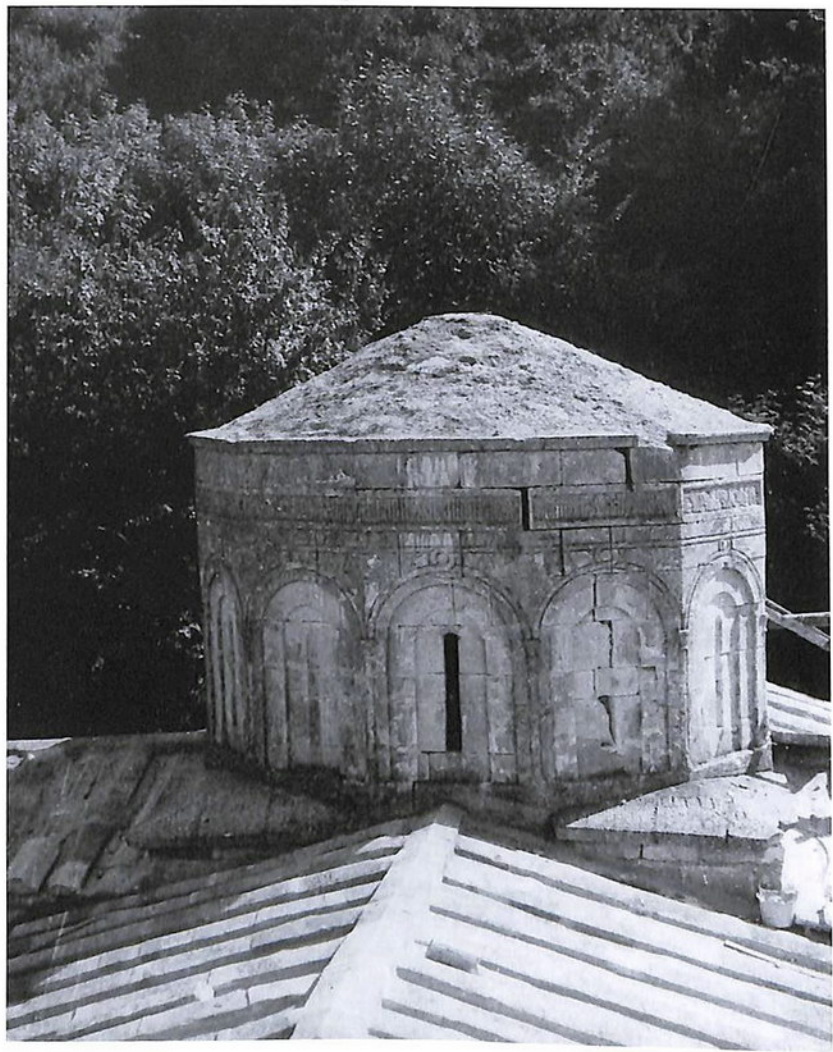
Монастырь Сурб Хач, фотография начала XX в.

Монастырь Сурб Хач, 40-ые г., XX в.

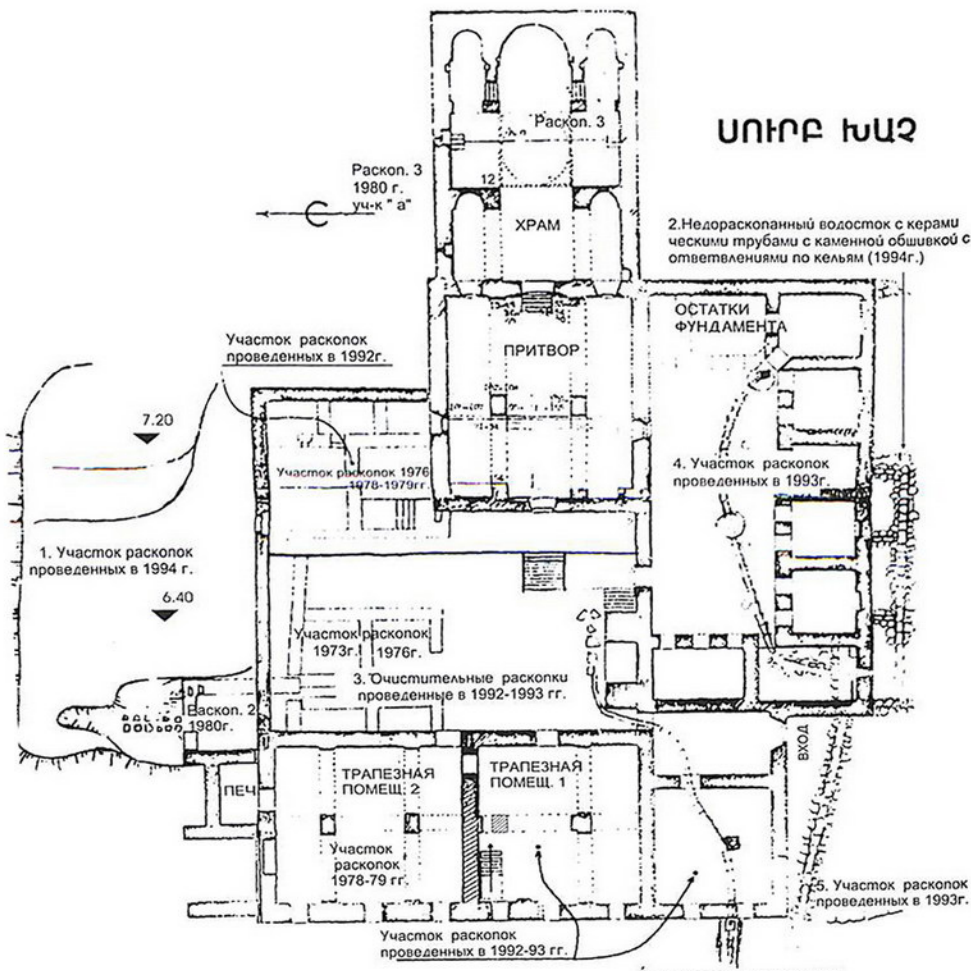

Общий вид монастыря Сурб Хач

Барабан и куполь монастыря Сурб Хач, 1992 г.

УНИКЪ НАЦ

Земляной завал около главного
входа до раскопок

Вход в притвор до раскопок, 1992 г.

Водопроводная система выходящая из-под второй кельи

Водоотводный канал, открытый у главного входа

Каменная восьмигранная база колонны, открытая во время раскопок «Хозяйственной комнаты»

Открытая система водопроводных труб в «Хозяйственной комнате»

Водопроводная система, проходящая через крытый проход в «Хозяйственную комнату»

Каменный гравированный небольшой резервуар, открытый с наружной стороны «Хозяйственной комнаты»

Место выхода водопроводной системы, проходящий по двору монастыря в сторону «Хозяйственной комнаты» (трубы изъ яты в 1994г.)

Имевшиеся во внутреннем дворе монастыря остатки ранних стен

Удаление остатков старых стен во внутреннем дворе монастыря

Кельи, раскрытые около северной стены притвора до раскопок

Те же кельи после раскопок

Часть первого зала трапезной до раскопок

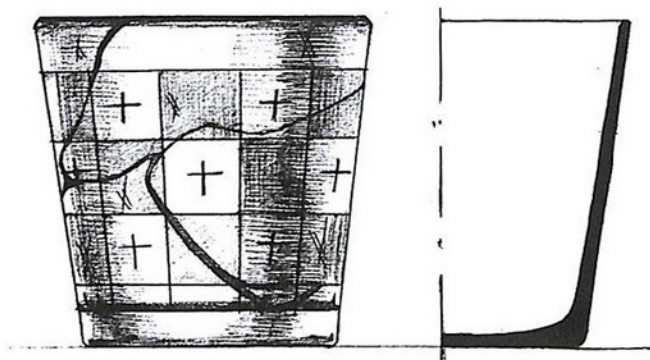
Остатки плинфowego свода первого зала трапезной

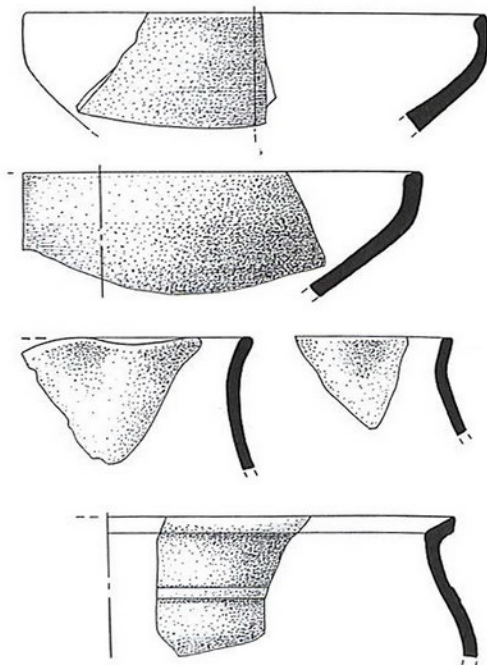
Сдвоенная колонна, раскрытая в первом зале трапезной

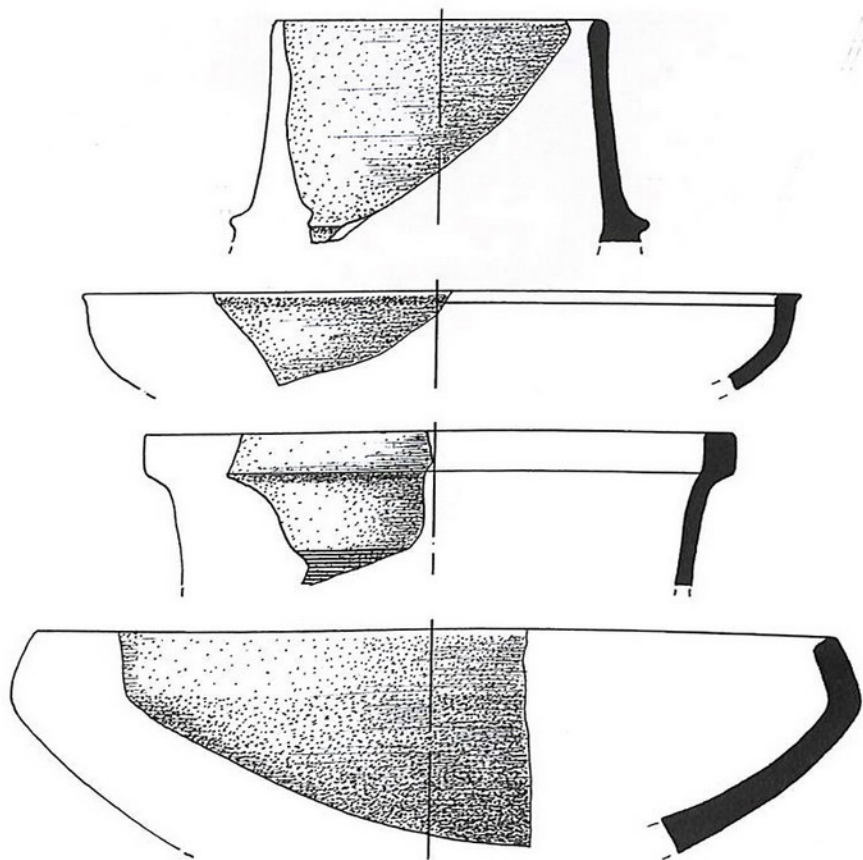
Каменный пол жилого помещения, открытый на дороге, ведущей к церкви

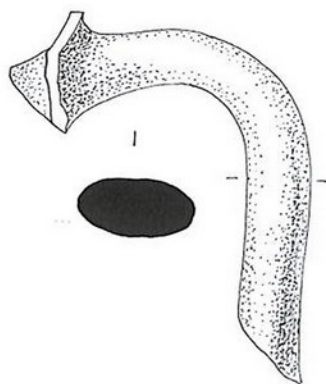
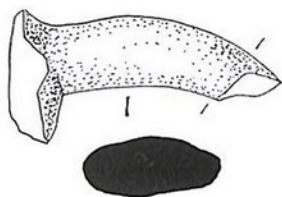
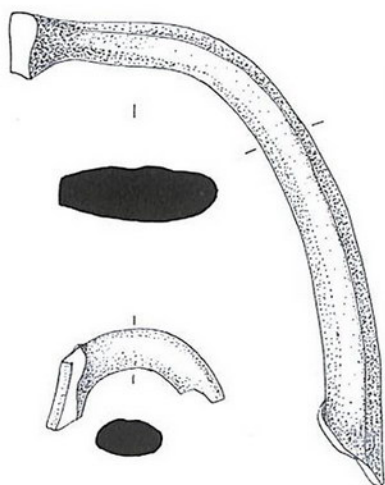
Стеклянный стакан XVII-XVIII вв.

Типологическая таблица керамических чаш XV-XVII вв.

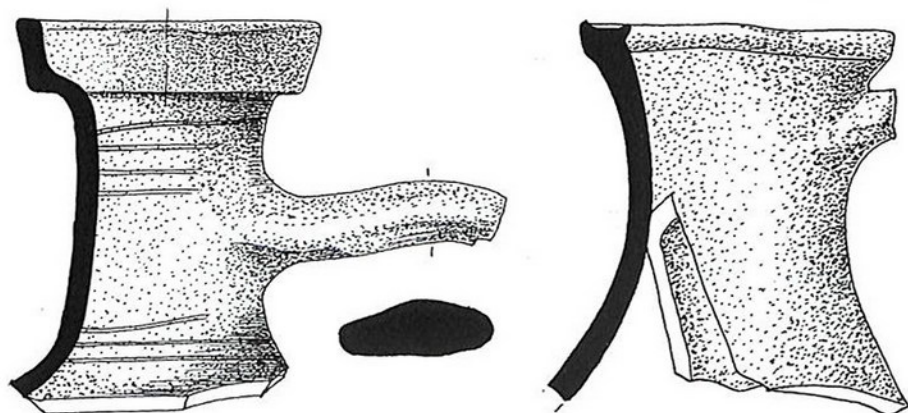
Типологическая таблица керамических чаш XV-XVII вв.

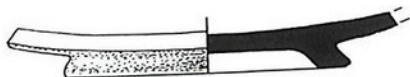
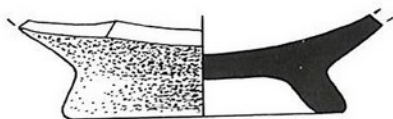
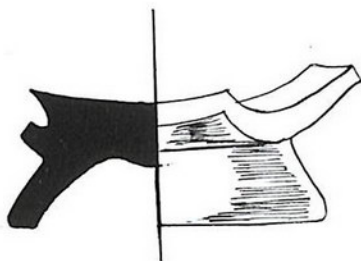
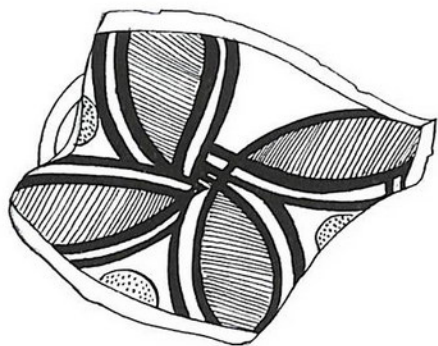
Ручки глиняных кувшинов XIII-XVI вв.

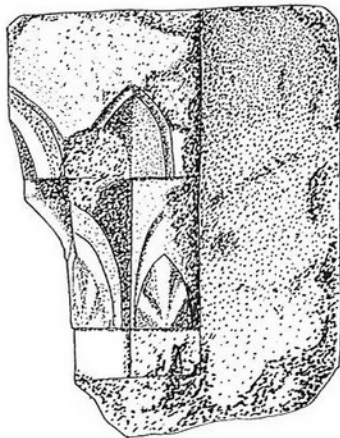
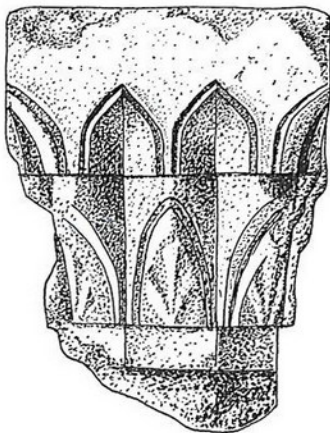
Красноглиняный кувшин с одной ручкой, XIII-XIVвв

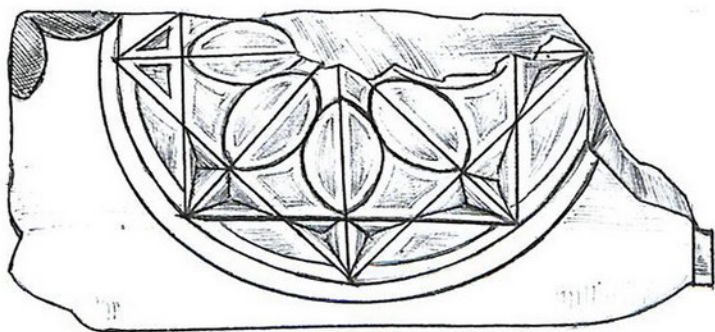
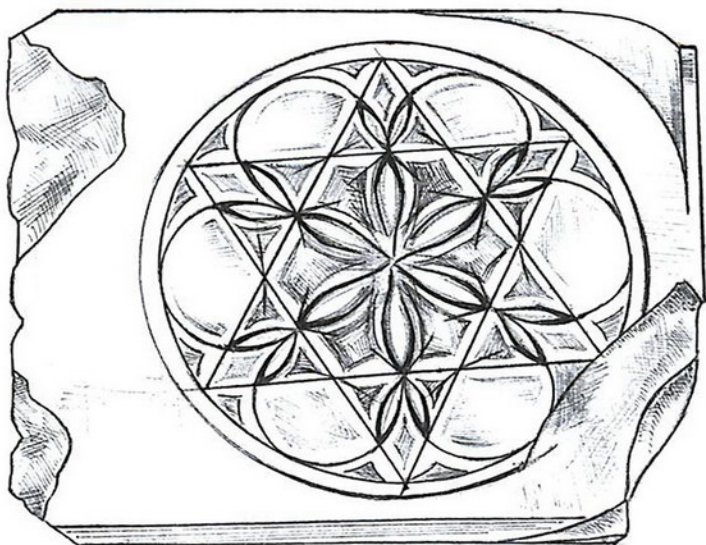
Горлышки глиняных кувшинов

Обломки поливной керамики XIII-XIV вв.

Архитектурные детали, монастырь Сурб Хач

Архитектурные детали, монастырь Сурб Хач

Хачкар, Гошаванк, Армения, 1291 г.

Дверь церкви Сурб-Саркис, Кафа, Крым, 1371 г.

Декор генуэзской надписи, Судак, Крым, 1392 г.

Декор храма Гандзасар, Арцах, 1216-1238 гг.

Хачкар, Дсех, Армения, XIII в.

Декор мечети хана Узбека, Сурхат, 1314 г.

Образцы армянской орнаментики и ее отражение в крымской архитектуре
(М. Пештмалджян, Памятники армянских поселений, с. 32-33)

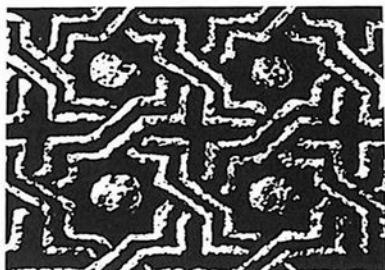
Ерзынка, Барцр Аік, Армения,
рукопись, 1201-1250 гг.

Хачкар, Мастара, Армения,
1210-1212 гг.

Декор генузского здания, Судак,
Крым, 1423 г.

Декор храма Гандзасар, Арцах,
1216-1238 гг.

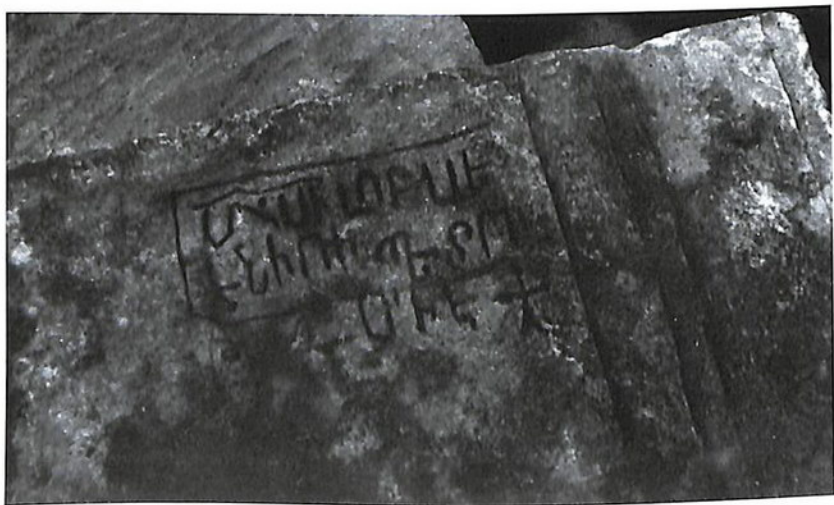
Нахичеван, Шарур, Армения,
рукопись, 1304 г.

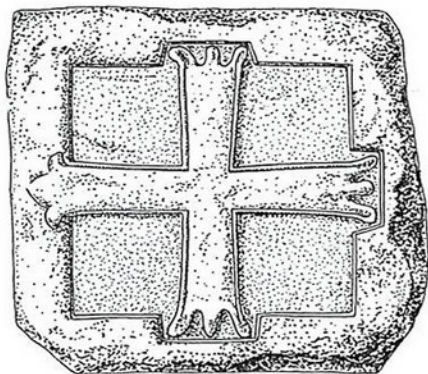
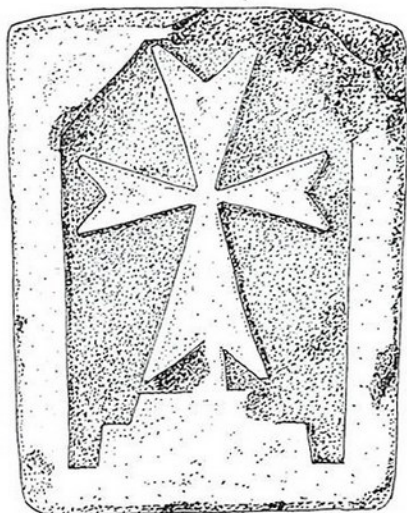
Декор генузской надписи, Судак,
Крым, 1392 г.

Камень нижнего фонтана, украшенный рельефом

Строительный камень с подписью: память «паломника Лусегена и Петроса (+ в году 800 = 1351)»

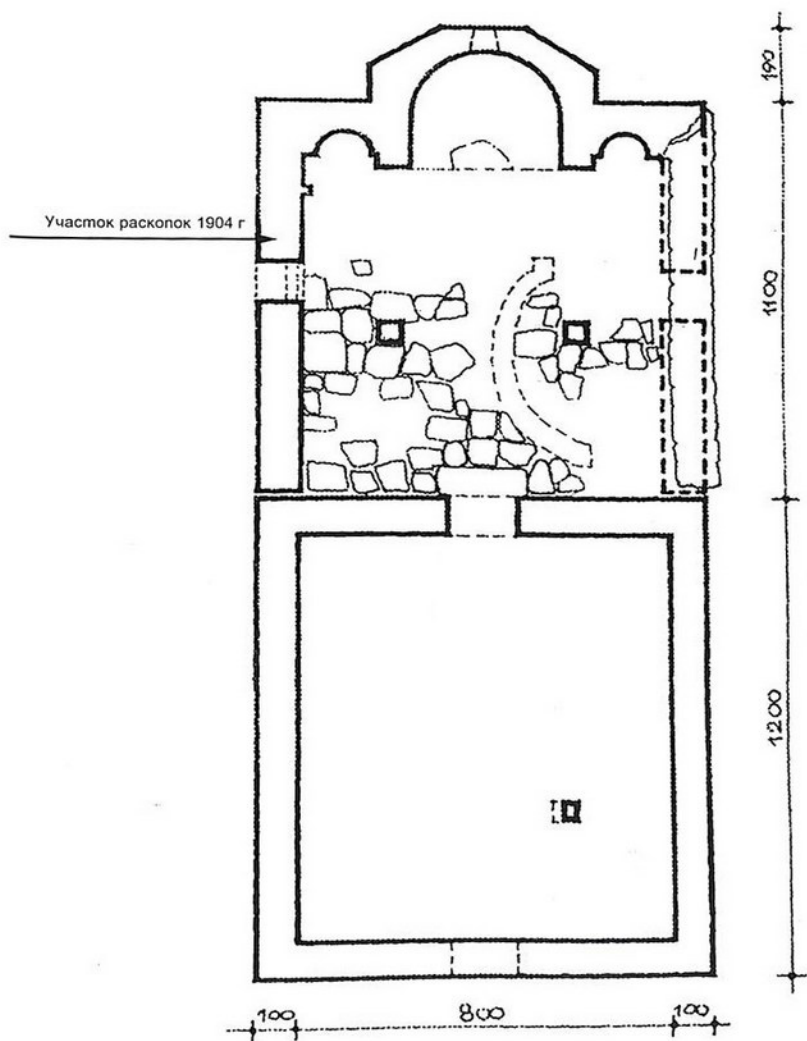
Хачкары, найденные во время раскопок

Хачкар с надписью (в году 1006 (=1557 г.), найден на территории монастыря Сурб Хач.

Хачкар с надписью: «Господь Бог, Иисус Христос ... в году 780 (= 1331 г.)». Найден на территории монастыря Св. Степаноса

План монастыря Св. Степаноса

Монеты, найденные на территории монастыря Сурб Хач во время раскопок
(О. Домбровский, В. Сидоренко, Солхат и Сурб Хач, с. 24)

Монеты, найденные на территории монастыря Сурб Хач 1992-1994 гг.

Причащение, 1342 г., г. Сурхат, художник - Аветис, сын Натера, Вена, N 849

Евангелист Марк, XIV в., г. Сурхат, Вена, N 1584

Благовещение у колодца

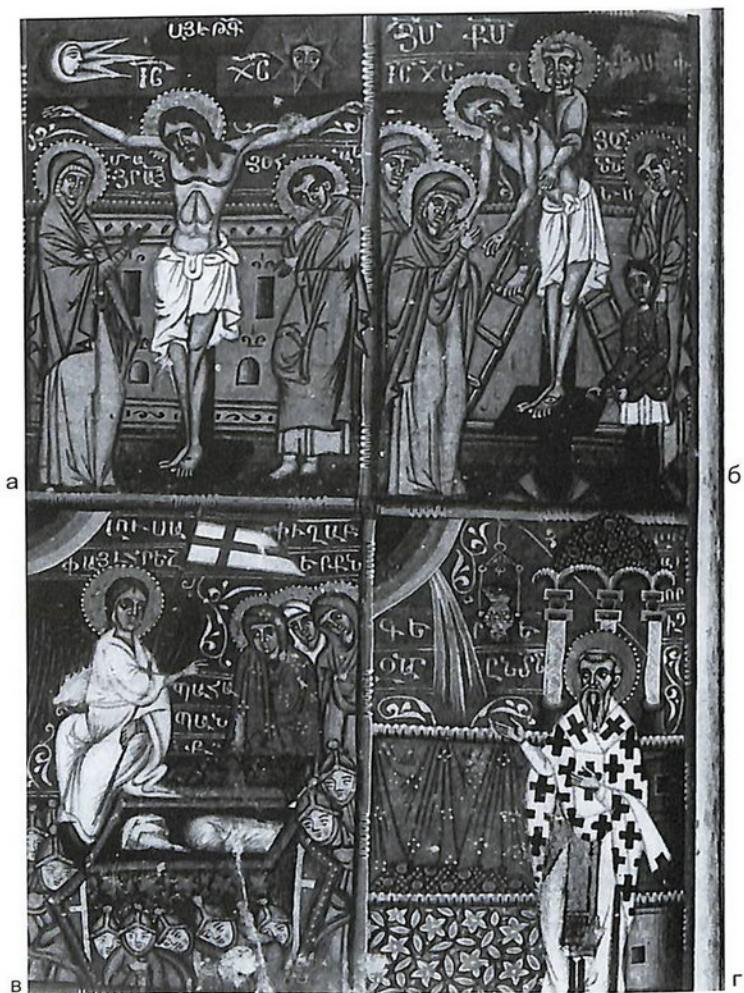
Благовещение в храме

Упреки Иосифа Марии

Явление ангела Иосифу

Рук. 1336 г., г. Сурхат, Венеция, N 904, худ. Киракос

а. Распятие, б. Снятие со креста, в. Жены-мироносицы, г. Григор Лусаворич. Рук. 1356 г., г. Сурхат, Венеция, N 904, худ. Киракос

The monastery, situated on a high mountain and buried in dense trees, seems to be a mysterious and proud fortress.

Surb Khach monastery was the religious and spiritual centre of the Illuminator Armenians, living in Taurida, later on also coming from Nor-Nakhichevan and Bessarabia.

Surb Nshan church is the earliest building of the monastery. The drum carries the building inscription. The date in several publications, however, never matched the content. Such misreading was corrected by Asatour Mnatsakanyan. The exact date of erection of the church should be 1358 and not 1338. Moreover, on that date the construction of the church was already over.

The drum masonry, which contains the building inscription, provides direct evidence confirming the above dating. The drum was made of ash-lars while the remaining part - of rough stones. Consequently, the investigators arrived to the conclusion that the former was built later. This hypothesis is additionally confirmed by a seventeenth century ode dedicated to Hovhannes the Monk, which gives us an idea about the renovation of Surb Nshan church, carried out by the latter's efforts.

By the will of the Holy Ghost

A scholar called Hovhannes

Of the great country of Sebastia

With utmost faith erected the monastery of Surb Nshan

Bringing with himself the Savior's wood

And inserting carefully the blissful relic

He came to our glorious world

And restored the monastery of Surb Nshan.

It should be emphasized that in the Middle Ages reconstruction or renovation works were equated to building activities.

If Surb Nshan was built in 1358, a question rises: when was it founded? The answer to this question may, to a certain extent, be provided by further archaeological excavations.

The excavations carried out by the expedition of the Crimean

Department of the Ukraine Academy of Sciences (1973 to 1980) had been the most productive among the numerous explorations of the monument. The results are generalized in a book entitled «Solkhat and Surb Khach» by O. Dombrovski and V. Sidorenko.

The second stage of the excavations was performed by the expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS of Armenia (Head of the expedition F. Babayan).

The archaeological expedition started the exploration from the external platform in the south-western part of the main entrance to the monastery.

Owing to the excavations, soil heaps were cleared away, and the drainage system was opened.

Starting from the entrance to the eastern cell the latter extended across the courtyard, entered into the second cell, went out from the underground outlet towards the gardens of the monastery (See drawing 1).

Another water-pipe system was accidentally found in 1994, during the building activities under the external walls of the cells. Different branchings of this pipeline supplied water to the cells. Water entered into the monastery through one system, and got out of it through another one serving as sewage. The pipelines and the cells date back to the 17th century, according to the inscription on the tympanum of the building entrance (1694). Excavations were carried out along the wall of the strongly endangered gavit (atrium). The southern and northern walls of the gavit, which had been almost fully decayed, were simultaneously rebuilt. We were anxious to keep to the initial masonry while reconstructing. We reused the stones of the building and various architectural details: eaves, bases etc., found in the surroundings or discovered in the course of excavations. Reconstruction of the cupola was performed in the similar way: its half-demolished concrete cover was removed and replaced by a thick layer of thatched clay, then covered with tiles.

The curving, tile covered, low-topped, drum-like form is typical to the traditional Armenian architectural style and its peculiarities.

During the excavations in the area of the south-eastern wall of the church we revealed the main walls of a building with irregular masonry, apparently being the remains of economic-industrial structures adjoined to the monastery. A small finely carved cross-stone (khachkar), dated 1557, fragments of jugs, a copper coin dated 1780 (of Mustafa 2), were found among the hillocks. Cleaning up activities was performed around the stairs parapets and springs. We found out the cobble-stoned prop-wall (12 meters), which separated the first pass from the second one, and under this prop-wall – two explorative areas. In one of them we found a five meter-long stone prop-wall of some structure and a shallow hearth-like construction. Though the substance of the surface layer is not cleared away, the number of glazed and coarse pottery, fragments of glasses, dating back to the 13th-14th centuries is great. The area was covered with soil again.

Excavated was also the passage of the road, leading to the church where the slabs of a building made of white flagstone, stone bases, ruins of walls bearing the traces of reconstructive works, water-pipes, fragments of roof tiles and coarse pottery had been unearthed.

Though the excavations are not completely over, preliminary examination of the matter leads to the supposition that this very building on the way to the monastery might have been a guest-house. And it is likely, that the following lines from the poem, devoted to Hovhannes Sebastatsi, confirm this supposition.

They gave a shelter
For the travelers to rest.

The second line of the above-mentioned poem probably referred to that hospitable building.

Archaeological excavations were also carried out in the «economic» room, adjoining the refectory, where three cultural layers (in succession of 40-50cms) had been found. Among the slabs of the second cultural layer, we revealed an octagonal stone base with its slab pedestal set on the initial – first floor of the building. Next to the pedestal there was a drainage

system, which on the one hand extended to the atrium (gavit) of the church, and on the other hand went out of the «economic» room towards the garden of the monastery. As the stone base was removed and replaced on the second cultural layer by a builder, without having let us know about it, it was impossible to explore the first floor of the building at a depth of 40-50 cms. Excavations were performed just around the base and the pipeline. We had no opportunity of reconstructing the initial architectural design of the building. It was only clear that the «economic» room and the refectory had been built on the same constructive surface. Excavations were proceeded in the first hall of the refectory to make the dates precise. One of its walls had round brick masonry while its southern part had a stone cover based on a huge arched column disposed not in the centre of the building, but distinctly off centre towards the southern part.

Specialists explain such a divergence by the disposition of the entrance. We discovered three cultural layers here, in succession of 40-50 cms. On the preliminary first floor of the hall several slab stones were preserved. Thin layer of ashes testified to the fire broken out herein. The column, holding the ashlars arches was completely cleared up and we found out that it was not a single, but a paired column, one of them having a rectangular masonry, framed with decorated eaves, the other one being made of reused stones. The excavations showed that the vault of the hall was supported by four high columns, placed on the same line.

During the further centuries the stone masonry on one side of the vault was replaced by a brick one. Following a special constructive purpose, two of the columns were removed and adjusted otherwise. The base of the column, holding the old arch was discovered *in situ*

Thus it was possible to ascertain that the refectory used to be a large quadrangle hall, rich in columns within and the peculiarities of the later architecture occurred here after numerous reconstructions of different periods.

Small adjacent rooms with common entrances situated between the northern wall of the atrium and the fortified wall, excavated by Crimean

archaeologists in 1976 were cleared up anew. The building (dimensions 16 sq. m) comprised two cultural layers, which contained fragments of ceramics dating back to the 15th-16th centuries and a copper coin of the 14th century. The rooms were adjoined to the church by an arched door, made in the wall of the atrium. It is doubtless that the above rooms built simultaneously with the gavit (atrium) used to be cells. The wall of the latter preserved a part of the pilaster holding the vault of the building.

In the courtyard of the monastery, next to the refectory, the Crimean archaeologists excavated and carefully preserved the ruins of the walls of early buildings, elucidation of which might be possible only upon excavating the territory of the court-yard at a depth of 1 metre without changing its initial layer. In 1992-1993 the same area was cleared up and prepared for excavations by us.

In 1994 for the purpose of paving the court-yard the area was completely demolished and the archaeological layer - removed by builders. We hardly succeeded in excavating on a prospect-hole (of 1x1 metres) in the northern part of the stairs leading to the church where we noticed a thick layer of ashes. Under the wall of the visible building there was a fragment of a glazed vessel with an engraved ornament, a ceramic jug, animal bones and a coin of Tokhta Khan (Golden Horde) dating 1300.

Part of the brick masonry of the refectory was destroyed simultaneously with the old cultural layer, preserved for many centuries. Meanwhile, this unique masonry, made of reddish, well-baked, light and at the same time solid bricks, widespread in the fifteenth-seventeenth centuries Crimea, acquired at some stage of building a constructive importance, besides representing the architectural style of that period.

One of the problems of reconstruction of the architectural monuments is the preservation of their original outlook, which was not duly done during the reconstruction.

Archaeological activities were focused on the external area of the northern wall of the refectory and the fortified wall adjoined to it.

In the course of excavations various archaeological items found on the

territory of the monastery complex were grouped according to their chronological order and common styles. These are cross-stones (khachkars), gravestones, coarse and glazed ceramics (jugs, bowls, pitchers, oil-lamps, pipes, water-pipes, faience, glass (fragments of glasses, bottles, bracelets, window glass, complete items), stone implements (parts of millstones, weights), jewelry, metal items (nails, hoarse-shoes, pins, pincers, scissors of the 13th-17th centuries) and coins dated 1280 (unnamed), 1290 (Tokhta Khan), 1299 (Tokhta Khan) and 1309 (Crimea, etc.).

In 1994 we explored a monument known in Russian literature as Surb Gevork (St. George) although it was referred to as Surb Stephannos in Armenian historical sources. The church is located at a distance of eight kilometers from the city of Stari Crim (3 kms south of Surb Khach monastery). The above mentioned monument was partly explored by the Crimean archaeologists in 1973.

We cleared up the church buried under the heaps of huge stones and thick trees. The buildings adjoined to the church were not explored. Investigation of the church showed that Surb Stephannos was a three nave building with a drum and a number of columns. It had four columns, two of which stood freely (two bases and a stone column were discovered) and the others joined the main apse through an arch. For the present the architectural outlook of the building is not identified, and needs further investigation.

The oldest and the most valuable one among the discovered archaeological items is the engraved small cross-stone (khachkar), on which the year of ԹՅ (1331) is inscribed.

The studies of the Crimean archaeologists conducted in the seventies and continued by us in the nineties during three seasons of work enabled to finally ascertain the architectural design of the monastery of Surb Khach.

The excavations made precise the date of the refectory: it dates back to the 14th-15th centuries and not the 17th-18th as it was though earlier. From the architectural point of view the former shape of the refectory was a quadrangular hall with a stone, vaulted roof, based on four columns

standing in a row – a planning characteristic of the identical Armenian buildings of the same period.

A unique ceramic pipeline discovered in the monastery area is a fine sample of building art.

In the courtyard of the church we discovered ruins of ancient buildings.

The study of discovered archeological items confirms that the monastery complex was founded not later than at the end of the 13th century.

Because of the restoration activities in 1994 the ruins of unique buildings that would confirm the exact date along with the traces of different constructive phases had been totally destroyed.

Some of the archeological finds, especially the glazed pottery are analogous to the items found in such medieval Armenian cities as Dvin, Ani and other archeological sites.

The results of the excavations confirm that Surb Khach functioned uninterruptedly from the 13th and up to the 20th century. The study of the archeological finds testifies that Armenians brought the old traditions of handicraft, trade and building art to the Crimea from various provinces of their country.

Exploration of the above mentioned buildings proved that the Armenian architectural tradition existing in the Crimea actively interacted with the local culture thus giving birth to the constructive peculiarities and the unique style of the Crimean Armenian architecture.

Samples of the miniatures contained in manuscript from Sourkhat and Surb Khach, which date from the 14th century display the simultaneous application of two painting techniques: linear and graphic. While the images in the manuscripts were painted polichromatically, the ornaments were made in monochromatic graphic way of painting. Traditions of the Palaeological renaissance painting were reflected in certain illustrated manuscripts of the Sourkhat Armenians. It is worth mentioning that any acquaintance with an art phenomenon or a new trend in painting was

internalized by Armenian artists through simple reproduction, then giving a new meaning to them and later through adapting to their own aesthetic principles.

Thus, based on the national, Cilician and Byzantine painting traditions a new direction in painting was born in Armenian art, the first samples of which emerged in Bardzr Hayk, where a great number of Armenians migrated to the Crimea from.

Painting in the delicate manner peculiar to Palaeological art, craving to express the volume and individuality of images characteristic of the Cilician miniature, laconic composition and ornamental features peculiar to the Crimea Armenian art, the local painters created masterpieces, which occupied their unique place in the national treasury.

It is particularly fortunate that the manuscript colophons preserved the names of the scribes and illustrators having lived in Crimea: Nater with his sons, most gifted of which were Avetis and Stephannos, and his son Hovhannes, prominent miniaturists Arakel, Kirakos and many others. Unfortunately the names of many scribes still remain unknown: the colophons usually give us more information about the famous customers and their relatives than the creators of manuscripts. The value of their art is difficult to underestimate: it has its unique place, not only in national painting, but also in the cultural history of the Crimea.

Investigation of the Armenian archaeological monuments, manuscripts and miniatures created in Sourkhat reveals the unknown pages of the history of the Armenian Community in the Crimea.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **И. Крипьякевич**, Садок Баронч — историк армян бывшей Галиции, «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1961, с. 38
2. **Ե. Երեմյան**, Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյցի», Երևան, 1963, (С. Еремян, Армения по «Ашхарацуйцу», Ереван, 1963)
3. **Н. Марр**, Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе, «Известия Археологической комиссии», выпуск 10, СПб, 1904, с. 2
4. **А. Якобсон**, Крым в средние века, Москва, 1973, с. 31. **Г. Бартикий**, О византийской аристократической семье Гаврас, «Историко-филологический журнал», Ереван, 1987, N 3, с. 190-200
5. **Մ. Բժշկյանց**, Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան եւ յայլ կողմանս, բնակեալս 'ի հայկազանց սերելոց ի' նախնեաց Անի քաղաքին, Վենետիկ, 1830, էջ 338 (**М. Бжишкянц**, Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами, выходцами из Ани, Венеция, 1830, с. 338)
6. **Լ. Խաչիկյան**, էջեր համշինահայ պատմությունից, «Բանբեր Երևանի համալսարանի», Երևան, 1969, էջ 21 (**Լ. Хачикян**, Страницы из истории хемшинских армян, «Вестник Ереванского университета», Ереван, 1969, с. 21)
7. **А. Якобсон**, Средневековый Крым, М.-Л., 1964, с. 110
8. **Վ. Միրայեյան**, Հայ-իտալական անցումություններ, Երևան, 1974, էջ 22 (**В. Микаелян**, Армяно-итальянские взаимоотношения, Ереван, 1974, с. 22), **Э. Данилова**, Армянская колония в Каффе в конце XIII в. (по данным генуэзских нотариальных источников (1289 1290), 5-ая республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении, Ереван, 1982, с. 303
9. **Վ. Միրայեյան**, Ղրիմի հայկական գաղութի պատմություն, Երևան, 1964, էջ 66 (**В. Микаелян**, История армянской колонии в Крыму, Ереван, 1964, с. 66)

10. **Խ. Փորթեյան**, Երբ է կատարվել հայերի մուսրը Ղրիմ, «Պատմա-րանասիրական հանդես», Երևան, 1962, N 2, էջ 108-109 (**Х. Поркшеян**, Когда появились армяне в Крыму, «Историко-филологический журнал», Ереван, 1962, N 2, с. 108-109)
11. **О. Домбровский, В. Сидоренко**, Археологические памятники Крыма, Солхат и Сурб Хач, Симферополь, 1978, с. 19
12. **Լ. Խաչիկյան**, ԺԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, Երևան, 1950, էջ 358 (**Л. Хачикян**, Памятные записи арм. рукописей XIV в., Ереван, 1950, с. 358)
13. Там же, с. 442
14. **Լ. Խաչիկյան**, ԺԵ դարերի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, Խ. Ա, Երևան, 1955, էջ 19 (**Л. Хачикян**, Памятные записи арм. рукописей XV в., т. 1, Ереван, 1955, с. 19)
15. **А. Гаркави**, О происхождении географических названий на Таврическом полуострове, «Известия географического общества», вып. 12, СПб, 1878, с. 55, **А. Бертье-Делагард**, Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, «Известия Таврической ученой архивной комиссии» (ИТУАК), вып. 57, 1920, с. 99, **М. Крамаровский**, Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII XIV вв., «Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа», сборник научных трудов, Ленинград, 1989, с. 150
16. **В. Смирнов**, Крымское ханство, СПб, 1887, **Ք. Քուշներյան**, Պատմություն գաղթականության Խրիմու հայոց, Վենետիկ, 1895, էջ 23 (**К. Кушнерян**, История переселения крымских армян, Венеция, 1895, с. 23) **А. Якобсон**, Армянская средневековая архитектура в Крыму, ВВ, М. Л., 1956, с. 168, **В. Микаелян**, История армянской крымской колонии, Ереван, 2004, с. 22
17. Հայաստանի և հարակից շրջանների տեղանունների բառարան, կազմեցին՝ **Թ. Հակոբյան, Ս. Մելիք-Բախշյան, Հ. Բարսեղյան**, Խ. Դ, Երևան, 1998, էջ 372-379 (Словарь топонимов Армении и прилегающих областей, составили **Т. Акопян, С. Мелик-Бахшян, О. Барсегян**, Ереван, т. 4, с. 372-379)
18. **А. Бертье-Делагард**, ук. соч., с. 151

19. М. Крамаровский, ук. соч., с. 152
20. М. Бжишкянц, ук. соч., 322 Պ. Սուրիաթյան, Ղրիմի հայոց վանքը, «Սուրճ», 1904, N 6, էջ 71 (П. Сурхатян, Армянский монастырь Крыма, «Мурч», 1904, N 6, с. 71), В. Микаелян, История армянской колонии в Крыму, с. 93
21. М. Бжишкянц, ук. соч., статья 488
22. Լ. Խաչիկյան, Երզնկա քաղաքի «Եղրարց միաբանութեան» կազմակերպությունը /1280թ./, «Բանբեր Մատենադարանի», N 6, Երևան, 1962, էջ 365-377, նույն հեղինակի, Հայերը հին Մոսկվայում և Մոսկվա տանող ճանապարհների վրա, «Բանբեր Մատենադարանի», N 13, Երևան 1980, էջ 32 (Л. Хачикян, «Братство», организованное в городе Ерзынка (1280 г.), «Банбер Матенадарани», N 6, Ереван, 1962, с. 365-377, того же автора, Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву, «Банбер Матенадарани», N 13, Ереван, 1980, с. 32), Б. Греков, А. Якубовский, Золотая орда и ее падение, Москва, 1950, с. 158
23. М. Бжишкянц, ук. соч., с. 326
24. В. Микаелян, ук. соч., с. 66
25. Г. Спасский, Старый Крым (из путевых записок о Крыме), ЗООИД, т. IV, Одесса, 1858, с. 100
26. М. Бжишкянц, ук. соч., с. 328
27. И. Орбели, Проблема сельджукского искусства. «Избранные труды», Ереван, 1963, с. 362-371
28. М. Пештмалджян, Памятники армянских поселений, 1987, с. 30-31
29. О. Домбровский, В. Сидоренко, ук. соч. с. 55, Е. Катюшин Феодосия, Каффа, Кефе, Феодосия, 2007, с. 106
30. А. Якобсон, Армянская средневековая архитектура в Крыму, ВВ, т. 8, Москва, 1956, с. 179
31. Յու. Թամանյան, Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքը, «Էջմիածին», Է-Ը, 1969, էջ 59-64 (Ю. Таманян, Монастырь Сурб Хач в Крыму, «Эчмиадзин», 7-8, 1969, с. 59-64)
32. О. Домбровский, Фрески средневекового Крыма, Киев, 1966, с. 73-75

33. **Ф. Прилипко**, Старый Крым, Симферополь, 1960, с. 88
34. **Г. Григорян**, Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа, «Историко-филологический журнал», Ереван, 1970, N 3, с. 298 **Գ. Գրիգորյան**, Հայկական փմագրութիւն, Երևան, 2000, էջ 82 (**Г. Григорян**, Армянская эпиграфика, Ереван, 2000, с. 82), **П. Мурадян**, Хронология систем летоисчисления по армянским источникам, «Эра по рождеству Христа», «Լրիւրեր», Երևան, 1975, էջ 78-94
35. **М. Бжишкянц**, ук. соч., с. 327
36. **И. Орбели**, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 417 418
37. **Л. Хачикян**, Памятные записи арм. рукописей XIV в., с. 486
38. **А. Якобсон**, Ю. Таманян, Армянская архитектура в Крыму, Ереван, 1992, с. 13
39. **Г. Григорян**, Свод армянских надписей, с. 104
40. Там же, с. 105
41. **О. Домбровский**, **В. Сидоренко**, ук. соч. 103
42. **Н. Адонц**, Армения в эпоху Юстиниана, СПб, 1908, с. 149, **Р. Еп-ремян**, Водоснабжение древней и средневековой Армении, Ереван, 1992, с. 9
43. Դիվան հայ փմագրութիւն, արակ Ա, կազմեց **Հ. Ортбей**, Երևան, 1966, արմանագրութիւն 188 (Свод эпиграфических надписей, выпуск 1, составил **И. Орбели**, Ереван, 1966, запись 188) **Վ. Հարությունյան**, Անի քաղաքը, Երևան, 1964, էջ 51-53 (**В. Арутюнян**, Город Ани, 1964, с. 51 53)
44. **И. Бабков**, Очерки по исторической и культурной географии Крыма, «Известия Гос. Географического Общества», т. LXXI, вып. 7, Водоснабжение армянского монастыря в двухъякорной бухте, 1939, с. 1044
45. **В. Микаелян**, ук. соч., с. 333
46. **Վ. Իսրայելյան**, **Գ. Զորանյան**, Հայաստանի պատմական կառույցներում օգտագործված շինանյութերը և նրանց ուսումնասիրության մեթոդները, Երևան, 2001, էջ 3-8 (**В. Израелян**, **Д. Чобанян**, Исползованные в армянских исторических памятниках строительные материалы и методы их изучения, Ереван, 2001, с. 3-8) **V. Israelyan**,

«About the longevity of Armenian Monuments». Proc. of «Quarry - Laboratory-Monuments» Intern. Congress, Pavia 2000 (Italy) vol. 1, p. 351-354

47. **Խորեն Ստեփաննե**, **Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքը**, Ս. Պետերբուրգ, 1891, էջ 9. (**Хорен Степане**, **Монастырь Сурб Хач в Крыму**, СПб, 1891, с. 9)
48. **Թ. Թորամանյան**, Նյութեր ճարտարապետության պատմության, Երևան, 1942, էջ 187, նկ. 107 (**Т. Тораманян**, **Материалы по истории архитектуры**, Ереван, 1942, с. 187, рис. 107), **В. Арутюнян**, укр. соч., с. 54
49. **О. Халпахчян**, **Гражданское зодчество Армении**, Москва, 1971, с. 154-163
50. **М. Бжишкянц**, укр. соч., с. 327
51. **А. Якобсон**, **Средневековый Херсонес**, МИА 17, М. Л., 1950, с. 194 195, табл. XX XXII, XXIV, того же автора, **Средневековая поливная керамика как историческое явление**, ВВ, т. 39, Москва, 1978, с. 154 157, **А. Кравченко**, **Средневековый Белгород на Днестре**, Киев, 1986, **М. Мицишвили**, **Производство поливной керамики в средневековом Тбилиси в X XIII вв.**, Тбилиси, 1979
52. **Б. Федоров**, **А. Давыдов**, **Искусство кочевников и Золотой орды**, Москва, 1976, с. 126, **Б. Шелковников**, **Поливная керамика из раскопок города Ани**, Ереван, 1957. рис. 4
53. **И. Гольдшмидт**, **Генуэзская колония в Крыму в конце XIII – первой половине XV вв.**, Москва, 1952, диссертация, с. 108
54. **Թովմա վարդապետի Արժրունեյ**, Պատմութիւն տանն Արժրունեաց, Թիֆլիս, 1917թ., էջ 477 (**Вардапет Товма Арцруни**, **История царского дома Арцрунидов**, Тифлис, 1917, с. 477)
55. **Հ. Չամփոլադյան**, **Դվինի միջնադարյան ապակին**, «Հայաստանի հնագիտական հուշարձանները», N 7, պրակ II, էջ 11 21: **Շ. Վաֆադարյան**, **Դվին քաղաքը և նրա պեղումները**, Երևան, 1952, էջ 219 220, **Ա. Ժամկոչյան**, **Միջնադարյան Հայաստանի հախճապակի IX XIV դդ.**, «Հայաստանի հնագիտական հուշարձաններ», N 10, 1981, էջ 115: (**Р. Джанполадян**, **Средневековое стекло Двина**, «Археологические памятники Армении», N 7, вып. 2, с. 11 21, **К. Кафадарян**

Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952, с. 219–220, **А. Жамкочян**, Средневековый армянский фаянс IX–X вв., «Археологические памятники Армении», N 10, Ереван, 1981, с. 115)

56. **Ս. Եսայան**, Հնագիտական իրերի կառավար, Երևան, 1964, էջ 34 (**С. Есаян**, Каталог археологических материалов, Ереван, 1964, с. 34), **М. Рабинович**, Гончарная слобода в Москве в XVI–XVIII вв., МИА, т. 7, М.–Л., 1947, с. 55–57, **Е. Джандиери**, Ахалкалаки (Джавахский) в позднефеодальную эпоху (археологические памятники феодальной Грузии), Тбилиси, 1974, с. 60
57. **Б. Пиотровский**, Вишапы, каменные статуи в городах Армении, Ленинград, 1939 **Ս. Բարխուդարյան**, Միջնադարյան հայ ճարտարապետներ և քարոքո՞ւ վարպետներ, Երևան, 1963 (**С. Бархударян** Армянские средневековые архитекторы и мастера камнерезы, Ереван, 1963), **А. Саакян**, Культово-мемориальные памятники в системе армянской средневековой народной культуры, автореферат диссертации, Ереван, 1986, с. 14, **Հ. Պետրոսյան**, Խաչքարերի ծագումը, գործարարը, իմաստաբանությունը (պատմահնագիտական ուսումնասիրություն), տեղեկատվության սեղմագիր, Երևան, 2004 (**Г. Петросян** Генезис, функции и семантика хачкаров (историко-археологическое исследование), автореферат диссертации, Ереван, 2004
58. **Ֆ. Բաբայան**, Բազմաթիվ աստղաձև իրեր Աստվածաշնչային խորհրդանիշներ, «Աստվածաշնչական Հայաստան», Երևան, 2005, էջ 189 195 (**Փ. Բабаян**, Узоры в виде многоконечных звезд как Библийские символы, «Библийская Армения», Ереван, 2005, с. 189 195)
59. **Richardson H.**, Die Kunst in Irland im VIII Jahrhundert, Salzburg, 1985
60. **Ս. Մանուկյան**, Հայ եկեղեցու տոները, Թեհրան, 1969, էջ 210–215 (**А. Манукян**, Праздники армянской церкви, Тегеран, 1969, с. 210–215) **Հ. Խառաքյան-Առաքելյան**, Հայկական եկեղեցական տոները, Երևան, 2000, էջ 190–194 (**Г. Харатян-Аракелян**, Армянские народные праздники, Ереван, 2000, с. 190–194)
61. **М. Бжишкянец**, укр. соч., с. 327
62. **Ե. Շահազիզ**, Նոր Նախիջևանի Ս. Խաչ վանքը, Թիֆլիս, 1901, էջ 7 (**Е. Шахазиз**, Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана, Тифлис, 1901, с. 7)

63. Рук. Матенадарана N 1636, с. 210 б
64. **О. Домбровский, В. Сидоренко**, ук. соч., с. 109–115, **Ф. Бабаян Э. Корхмазян**, ук. соч., с. 38–40
65. **Л. Хачикян**, Памятные записи арм. рукописей XIV в., Ереван, 1950, с. 265
66. Там же, с. 486
67. Там же, с. 327
68. Там же, с. 339
69. Там же, с. 358
70. **В. Микаелян**, История армянской колонии в Крыму (изд. 1964 г.), с. 300
71. **А. Свирин**, Древнерусская миниатюра, Москва, 1950, с. 90
72. **S. Der Nersessian**, Le Carnet de Modeles d'un miniaturiste armenian, «Armeniaka», Venice, 1969
73. **Л. Хачикян**, ук. соч., с. 456
74. **Հ. Քյուսեյան**, Դրվագներ հայ միջնադարյան արվեստի աստվածարվեստյան, էջմիածին, 1995, էջ 39 (**А. Кеосаян**, Теология армянского средневекового искусства, Эчмиадзин, 1995, с. 39)
75. **В. Лазарев**, История византийского искусства, т. 1, Москва, 1947, с. 250, **Л. Дурново**, Армянская миниатюра, Ереван, 1969, с. 222
76. **Âuschhausen Heide und Helmut**, Die illuminierten armenischen Handschriften der Mechitaristen-Congregation in Wien, Wien, 1976

Фрина Бабаян
Эмма Корхмазян

МОНАСТЫРЬ СУРБ ХАЧ
КАК ЦЕНТР АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В КРЫМУ

Ֆրինա Բաբայան
Էմմա Կորխմազյան

ՍՈՒՐԲ ԽԱՉ ՎԱՆՔԸ ՈՐՊԵՍ ԴՐԻՍԻ
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԿԵՆՏՐՈՆ

Frina Babayan
Emma Korkhmazian

SURB KHACH MONASTERY AS
AN ARMENIAN CULTURAL CENTRE
IN THE CRIMEA

Корректор С. Оганесян
Компьютерная верстка С. Оганесян

Подписано в печать 10.07.2008.
Формат 70 x 100 /16. Ус. печ. л. 9.5.
Тираж 500

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0077773

Р II
653853

Преображение, Крым, конец XV в., художник - Аветик, Матенадаран

